

Елена Вахненко

ПРОДАТЬ ДУШУ

Елена Вахненко

Продать душу

Он считал, что самое главное, — получать от жизни максимум удовольствия. Что ж, ему предоставили подобную возможность... даже сверх ожидаемого. Вот только оказалось, удовольствие удовольствию рознь. Правда, когда он это понял, пути к отступлению были, увы, отрезаны.

Это произошло ранней весной около полуночи.

Природа как будто еще не решила, стоит ли окончательно распрощаться с холодами, и погода менялась почти ежедневно, так что подтаявшие сугробы соседствовали с жидкой грязью, а ветер то и дело бросал в лицо дождь со снегом.

Ночь была особенной: темнота казалась чересчур глубокой, всепроникающей, бесконечной... мягким бархатом окутала она ставшие безлюдными улицы, и только призрачный свет, дарованный тоненьким серпом луны, серебристыми мазками робко высвечивал мрачные переулки. Да еще одинокий фонарь силился озарить своим неровным сиянием темный квартал.

Я ежился не от холода, а, скорее, от странного предчувствия. Я никогда не верил в интуицию, во всяком случае — в свою способность предугадывать события, однако сейчас меня охватило непривычное и не слишком приятное ощущение грядущей... беды?.. перемены?.. Нет, нет, я не берусь подобрать определение тому зыбкому и почти нереальному чувству на самой грани осознания.

Со стороны я, наверное, внушал опасение немногочисленным прохожим. Неудивительно: высокий крепкий парень затаился в особенно густой тени за углом одного из домов. Я действительно не принадлежал к числу безобидных людей, но в данную минуту меня не интересовал никто из припозднившихся путников.

Стоило мне так подумать, как на ближайшей аллее из мрака ночи буквально материализовался (во всяком случае, мне так показалось) персонаж, который не мог меня не заинтересовать. В желтоватом жидком свете единственного фонаря я сумел различить высокий стройный силуэт в длинном черном плаще. Мое внимание привлекла особенная грация и поистине королевская осанка, заметные даже на расстоянии и в полумраке. Незнакомец неспешно осмотрелся, кивнул каким-то своим мыслям и спокойным уверенным шагом направился в беспроглядную темноту дворов. Повинуясь непонятному импульсу, я торопливо затушил сигарету и последовал за ним.

Он свернул за угол, остановился и, обернувшись, смерил меня недовольным взглядом. У ночного путника было выразительное лицо, в чертах которого угадывалось что-то восточное: широкие скулы, чуть раскосые глаза и черные, густые брови вразлет. Смоляного цвета волосы ложились на уши мягкими волнами, а в ладной статной фигуре явно таилась немалая сила.

— Что тебе нужно? — недовольно осведомился он, голос у него тоже был выразительным: низким, глубоким, не очень громким, но удивительно отчетливым.

Я растерялся. Что можно ответить на этот вопрос, если и сам не вполне понимаешь смысл собственных поступков?

Незнакомец несколько мгновений пристально смотрел на меня, и в его раскосых глазах, цвет которых в таком густом мраке трудно было разобрать, появилось новое выражение. И

опять я терялся в догадках, не в силах определить значение этого чувства. Досада? Удовлетворение? Настороженное любопытство? Или, быть может, взгляд заинтересовавшего меня странника включал в себя множество самых разных оттенков и эмоций?

— Не пожалеешь? — с легкой иронией осведомился мужчина, и его тонкие губы дрогнули в недоброй улыбке. — Поверь, стоит хорошенько поразмыслить. Впрочем, один тот факт, что ты видишь меня, свидетельствует о сделанном выборе. И все-таки — не передумаешь?

Меня охватила непонятная паника, на лбу выступили капельки пота (невзирая на вечернюю сырость!), а душу окатила волна тошнотворного ужаса. Но откуда взялся этот почти животный страх, ведь я не отличаюсь робким нравом, совсем наоборот?! При своем авантюрном характере я постоянно ищу острых ощущений, способных утолить неумемную жажду новых впечатлений, и бурлящий в крови адреналин для меня — лучшее средство борьбы со скукой! Так что же со мной?!

Я выпрямился и заставил себя твердо ответить:

— Я никогда не передумываю! — в моем голосе прозвучала насмешка, в такие неоднозначные моменты я сознательно веду себя вызывающе, стремясь за напускной грубостью скрыть растерянность. Вот и сейчас я нахально улыбнулся и дерзко добавил: — Может, ты сам боишься меня проводить?

Что я несу?! Куда проводить?! Однако незнакомец не выказал удивления и даже как будто не разозлился. Просто пожал плечами и лаконично велел:

— Пошли!

И клянусь, противиться воле, заключенной в этом коротком приказе, было просто невозможно! Подобно послушной собачонке поплелся я вслед за провожатым, мысленно гадая, на какую новую авантюру себя обрек...

Ах, если бы я знал! Впрочем, наверное, это ничего не изменило бы... Я никогда не слушался умных советов.

* * *

...Мы свернули в ближайший переулок, в ночной тишине наши шаги отдавались гулким эхом. Я нервно озирался вокруг, хотя бродить по ночам мне было не впервой. Да что там не впервой! Я живу ночной жизнью...

— Кто ты? — спросил я, просто чтобы нарушить ставшее гнетущим молчание. Впрочем, мне действительно хотелось узнать, кем является мой новый знакомец, хотя я и сомневался, что услышу ответ (во всяком случае, правдивый). Я оказался прав — мужчина на миг обернулся, и я успел заметить мелькнувшую на губах мрачную, в какой-то мере зловещую, улыбку.

— Я не могу сказать, кто я, — холодно промолвил он, не замедляя шага. Ветер доносил его голос словно издалека. — Да тебе этого и не нужно знать. Пока.

— Но хоть скажи, как тебя зовут? — раздраженно потребовал я, задетый пренебрежительным тоном. Что за нелепые тайны?!

Раздался приглушенный смешок, за которым последовали слова, буквально пропитанные иронией:

— О, у меня множество имен! Которое назвать?

Я уже не ощущал страха, злость затмила все другие чувства. Кем он себя воображает?! Тайным агентом?!

— Да хоть какое! — решительно воскликнул я. — Назови то, которое считаешь самым важным.

— Ого! — он снова на долю секунды обернулся, вновь мелькнула его недобрая улыбка, и дрожь пробрала меня до самых костей. — Ты многого хочешь! Это имя слишком личное, его я открываю лишь избранным.

— Ну-ну, — фыркнул я, силясь придать собственному тону надменность. — Тогда назови любое.

Он мгновение помедлил, задумавшись.

— Что ж... пускай будет Дон. Устроит?

Я презрительно пожал плечами и хмуро прокомментировал:

— Дон — значит, господин? Дон Карлос...

— На счет Карлоса ничего не знаю, а господин вполне подходит, — весело откликнулся Дон.

Я только молча стиснул кулаки. Раздражение достигло точки взрыва, и я изо всех сил пнул ближайший камень, просто чтобы выплеснуть накопившийся гнев. Почему-то мне не хотелось избавляться от душащего меня бешенства самым простым способом, к которому я прибегал обычно в подобных ситуациях — а именно, провоцированием драки с обидчиком. Чутье подсказывало, что исход такого столкновения будет предрешен заранее, и я не стану победителем...

Мы вошли в подъезд одного из домов, внутри было темно и сыро. Я зябко поежился, ловко перепрыгивая сразу через несколько ступеней. Темнота не мешала мне ориентироваться в пространстве, я слишком часто безлунными ночами разгуливал по таким вот неосвещенным лестничным клеткам...

Дон тоже двигался легко и бесшумно, словно совершал подобные прогулки каждый вечер (а впрочем — почему бы и нет?). Он пешком поднялся на третий этаж (я, конечно, следовал за ним безмолвной тенью) и толкнул дверь напротив лифта. Не постучался, не позвонил, а просто толкнул, и дверь, к моему удивлению, оказалась незапертой. Дон скрылся в недрах квартиры, я, немного удивленный, поспешил за ним.

Я не успел толком осмотреться — мой спутник чересчур быстро пересек узкую прихожую и вошел в комнату. Когда я в свою очередь переступил ее порог, Дон уже стоял напротив распахнутого настежь окна.

Воспользовавшись короткой передышкой, я оглянулся с затаенным любопытством. Чересчур темно, деталей не разглядеть, однако даже столь скудное освещение позволяет с уверенностью утверждать: в этой комнате нет ничего особенного. Обыкновенная комната с обыкновенной обстановкой. Я невольно испытал разочарование: я-то ожидал увидеть нечто интригующее! Может быть, озаренный свечами зал со стариной мебелью, или каменные стены, или еще что-нибудь в таком же духе... А здесь — простые диваны и шкафы, приобрести которые можно в любом специализированном магазине!

В распахнутое окно ворвался порыв ледяного ветра, и я вздрогнул от холода, недоуменно нахмурился: что стремится высмотреть этот Дон в глухой темноте? Чего он ждет?

— Пора... — едва слышно шепнул тот, о ком я сейчас думал, и все так же негромко добавил: — Идем! Повторяй за мной!

Почему я не мог противиться силе его тихого голоса?! Я, которого боялась вся наша компания, я, душа многих далеко небезобидных предприятий?! И, тем не менее, я не мог...

Дон легким прыжком, который сделал бы честь и цирковому акробату, забрался на подоконник и, не оборачиваясь, быстро махнул рукой, безмолвно приказывая следовать за собой. Я покорно шагнул вперед и вдруг, словно разом очнувшись, попятился. От ужаса я мгновенно покрылся липким потом, и от этого морозный ветер стал казаться еще более холодным и сырым.

— Ты что?! — хрипло заорал я. — Ты спятил?! Я не собираюсь кончать жизнь самоубийством! И не буду составлять тебе компанию в этой затее!

Я ожидал от нашего похода любого поворота событий вплоть до участия в кровавом побоище, но такой исход все-таки явился неожиданностью — причем крайне неприятной. Я далеко не святой (мягко говоря), многое испытал, несмотря на молодость (в конце концов, что такое для мужчин в наше время двадцать семь лет?), но никогда, даже в самые неприятные минуты своего существования, не помышлял о самоубийстве. Каждому из нас дарована уникальная возможность думать, чувствовать, дышать... да что угодно! И добровольно лишать себя всего этого?!

— Я похож на самоубийцу? — холодно осведомился Дон и наконец соизволил обернуться.

Я немного остыл и, поежившись под его неподвижным пронзительным взглядом, нехотя ответил, пытаясь смотреть куда-нибудь в сторону:

— Да вроде нет. Но мне показалось, ты собрался выпрыгнуть в окно...

— Так и есть, — тут же согласился он.

Я от удивления снова взглянул на собеседника. Выражение его красивого, будто мраморного, лица оставалось совершенно невозмутимым.

— Но... — я не знал, какие подобрать слова, как выказать недоумение и страх — ведь я уже понимал, что не сумею противостоять желанию этого страшного (воистину страшного!) человека! — Но разве выпрыгнуть в окно — не значит кончить жизнь самоубийством?!

— Разумеется, — кивнул он с холодной насмешливой улыбкой, продолжая стоять на подоконнике и потому глядя на меня сверху вниз. — Для людей — да. Но я не совсем человек.

Я ему верил. Он — действительно не совсем человек, вернее было бы сказать, что он — совсем НЕ человек. Но я-то — человек!

Он прочел мои мысли:

— Да, ты человек, но я могу провести тебя за собою. Одно условие — безграничное доверие и покорность. И ты пройдешь за мною в мой мир. Миг промедления или сомнения — и ты разобьешься о плиты асфальта. Хотя наверняка останешься жив — в конце концов, всего третий этаж.

Всего третий этаж! Я нервно сглотнул и неуверенно спросил:

— А что представляет собой твой мир?

— Увидишь, — просто ответил Дон.

— И туда непременно необходимо идти таким вот способом?

Он пожал плечами и, явно начиная раздражаться, пояснил:

— Что поделаешь, я провел пока именно этот путь. Несколько других еще хуже. Этот — мой любимый. Ощущение полета мне всегда нравилось.

Мне тоже... знал бы я, к чему приведет моя любовь к полетам!

— Ну, так ты идешь? — нетерпеливо осведомился Дон. — С тобой ничего не произойдет, ручаюсь, если ты последуешь моему совету и перестанешь волноваться. Я обещаю.

И я сдался. На миг закрыл глаза, постарался расслабиться и поверить в правдивость его слов. Я обещаю... Он как будто не из тех, кто раскидывается пустыми обещаниями...

— Я никому не советую повторять мой эксперимент, — донесся до меня словно сквозь вату негромкий отчетливый голос. — Но я могу провести тебя в свой мир, только я — и больше никто.

Я открыл глаза и, словно сомнамбула, забрался на подоконник — отнюдь не так грациозно и изящно, как Дон. Мой странный спутник взял меня за руку и посмотрел в глаза, наконец-то я различил их цвет — черно-зеленый... Секундой позже я потерял способность думать и по-настоящему сознавать, я словно растворился, обратившись в воздух, в эту холодную беззвездную ночь... Меня уже не было, или я стал кем-то другим...

Дон сделал шаг в пустоту, я слепо ступил за ним... Потом я иногда пытался припомнить, что ощущал в то краткое мгновение перехода из моего мира в его мир. Воспоминаний почти не осталось, но одно я мог утверждать с уверенностью — этот полет был совершенно не похож на падение. Значит, Дон не обманул. Значит, он действительно мог пройти в свою реальность таким необычным манером — и при желании провести за собой кого-нибудь...

* * *

Не знаю, сразу ли я очнулся. Во всяком случае, я все еще стоял на подоконнике, когда способность мыслить и чувствовать вернулась ко мне. В первый миг я испытал удивление и отчасти разочарование — неужели полет в ничто мне привиделся? Но уже в следующую секунду, неловко обернувшись, я с ужасом и восторгом воззрился на незнакомую, погруженную в полумрак, комнату.

Не уделив никакого внимания моему понятному ошеломлению, Дон спокойно спрыгнул на пол и прошел куда-то вглубь помещения. Я же, пребывая в некоем подобии транса, спустился с подоконника и принялся жадно всматриваться во тьму. Вскоре я уже мог различить малейшие детали — мой спутник неторопливо зажигал многочисленные свечи в роскошных бронзовых канделябрах, расставленных по углам и украшающих собою столы... И вот, спустя несколько минут, передо мною в дрожащем призрачном свете предстал огромный зал с каменными стенами, гладким полом, составленным из мраморных плит, старинной тяжелой мебелью, обитой красным деревом и пурпурным шелком... Здесь пахло чем-то густым и сладким, и этот тягучим аромат только усиливал гнетущее чувство нереальности происходящего.

Я негромко выругался. Дон коротко взглянул на меня, в его чуть раскосых с зеленым отблеском глазах вспыхнуло мрачное недовольство.

— Что тебя так удивляет? — холодно осведомился мой провожатый.

Я невольно развеселился:

— Что? Списком перечислять?

— Можешь и списком, — пожал он плечами и перешел к очередному канделябру. Просторный зал постепенно наполнялся мягким приглушенным светом. Сколько же тут свечей?!

— Хорошо, как пожелаешь! — я старался держаться с таким же ледяным спокойствием, как этот поразительный господин, однако в голосе против воли прорывалась горькая ирония — верный признак скрываемого волнения. — Я упускаю то обстоятельство, каким образом я вообще умудрился выпрыгнуть в окно одной комнаты и очутиться на подоконнике другой... этот факт, несомненно, легко объясним! Но эта комната... да ее и комнатой можно назвать с большой натяжкой! Скорее — дворцовая палата! Откуда она взялась в нашем современном урбанизированном мире?!

Дон остановился у длинной полки, на которой покоились толстые тома в потрепанных кожаных переплетах с золотым тиснением на корешках, и задумчиво взглянул на меня. Уголки его тонких бескровных губ тронула едва заметная улыбка.

— Ключевое прилагательное в твоей фразе — НАШЕМ! — последнее слово он произнес с нажимом. — Откуда ты взял, что этот мир — твой? Тот, к которому ты привык?

— Да, действительно... — пробормотал я несколько раздраженно. — И с чего бы я это взял?

Я прошелся по зале, стараясь казаться непринужденным и расслабленным, — и, судя по насмешливому взгляду Дона, нисколько в этом начинании не преуспев. Чтобы нарушить гнетущую тишину, с деланной беззаботностью заметил, неопределенно взмахнув рукой:

— Подумать только, оказывается, канделябры могут освещать вполне неплохо!

— Вообще-то освещают не сами канделябры, а вставленные в них свечи, — с усмешкой поправил он, внимательно следя за каждым моим жестом, что изрядно меня нервировало.

— Да, да, — согласно покивал я, хотя проблема освещенности заботила меня в данное мгновение меньше всего на свете.

Дон после минутной паузы сказал:

— Продолжая тему твоего и моего миров. Взгляни на свою одежду!

Я с недоумением опустил взгляд, рассчитывая увидеть родную кожаную куртку, но вместо этого обнаружил что-то наподобие темно-болотного бархатного пиджака, расшитого серебряными нитями и украшенного стразами. Никогда в жизни я не вышел бы в подобном одеянии на улицу! Охнув, я схватился за кружевной ворот белоснежной блузы и вслух застонал:

— Что ты со мной сотворил?! Я не хочу в этом ходить!

— Здесь так принято, — равнодушно обронил Дон. — И лично я ничего не творил.

Творит сама реальность, подстраивая окружение под себя. Ты не можешь быть в моем мире таким, как в своем. Понимаешь?

— Нет! — зло возразил я. — Ты-то остался прежним!

Он с улыбкой взглянул на собственный длинный черный плащ и легко пояснил:

— Я специально одеваюсь таким образом, чтобы оставаться своим в любом мире. Мне, знаешь ли, приходится много путешествовать!

— А что еще в моей внешности изменили?! — в бессильной ярости прошипел я. — Прическу?

Я ощупал волосы, и мои худшие подозрения подтвердились — короткий ежик превратился в мягкие кудри.

— Подойди к зеркалу и сам посмотри, — предложил Дон, явно забавляясь.

Я послушался и почти бегом приблизился к зеркалу в золоченой раме, занимавшему полстены. Впившись взглядом в отражение, я принялся изучать масштабы потерь.

Брюки оказались еще хуже клоунского кафтана: чересчур узкие, черные, блестящие, напоминающие лосины, а сверху — нечто наподобие шаровар до середины бедра такого же ужасающего болотного оттенка, что и камзол. Лаковые сапоги с острыми носками, множество серебряной вышивки и прозрачных переливчатых камней, бархатный черный берет с белым пером... Лицо и фигура, благодарение небесам, остались прежними, но прическа! Волосы каким-то чудом умудрились отрасти до середины шеи и предательски завились — я знал за своей шевелюрой эту несносную особенность, которой очень стыдился.

— Я похож на шута! — обреченно пробормотал я. — Кошмар, полнейший кошмар...

— Дело привычки, — не согласился Дон. — Здесь все так одеваются, поэтому это кажется вполне нормальным.

— Кажется! — сердито передразнил я его. — Именно что кажется!

— Боюсь, перемена в облачении далась тебе труднее всего, — с удивлением констатировал Дон и недоуменно покачал головой. — Ладно, быть может, не откажешься поужинать со мной?

— Поздновато ужинать, — ворчливо отозвался я из чувства противоречия, но проклятый аппетит, разбуженный переживаниями, победил гордость. — Хотя можно.

— Тогда пошли, — усмехнулся Дон.

Столовая оказалась достаточно просторной, хотя и уступала размером покинутому нами залу. Неверный дрожащий сумрак, создаваемый несколькими свечами в центре стола, действовал угнетающе. Да и вообще, антураж был «тревожным»: каменные стены, неровные и шершавые, в углах таятся густые тени, потолок теряется во мраке... Я невольно поежился.

И все-таки кое-что в этой темной сырой комнате радовало глаз. А именно — многообразие блюд, расставленных на длинном и узком деревянном столе. Число яств превосходило десяток, и каждое источало необыкновенно аппетитный аромат, вызвавший голодный спазм в моем желудке. Я сглотнул, пытаясь справиться с инстинктом, побуждающим без раздумий наброситься на еду, и выдавил из себя неправдоподобный смешок:

— Заманчиво смотрится, а?

Дон кинул на меня внимательный изучающий взгляд и, коротко кивнув, сел на один из многочисленных стульев с высокой резной спинкой, легким приглашающим жестом указав на соседний. Я устроился напротив и нетерпеливо осведомился, с вожделием поглядывая на исходящее густым паром рагу:

— Можно угоститься?

— Подожди, тебя обслужат, — с кривой усмешкой обронил Дон, и я непонимающе обернулся.

Оказывается, помимо нас в столовой находилось еще три человека: двое мужчин в простых черных костюмах и довольно молодая женщина в форменном коричневом платье до щиколоток. Я разочарованно вздохнул — девушку нельзя было назвать несимпатичной, но выражение ее лица оставалось отсутствующим, взгляд безучастно скользил по окружающим предметам, ни на чем не останавливаясь, в бледной исхудалом лице — ни капли эмоций и жизни...

— Кто это? — почему-то шепотом спросил я.

Дон равнодушно пожал плечами:

— Рабы.

— Слуги? — уточнил я.

В черно-зеленых глазах Дона мелькнуло странное чувство.

— Нет... — медленно, с явным и совершенно непонятным для меня удовольствием протянул он. — Не слуги. Именно рабы.

Я вздрогнул и внимательнее взглянул на них. Девушка молча намазывала кусочки белого хлеба маслом, а сверху раскладывала прозрачные ломтики сыра и передавала одному из парней. Тот, в свою очередь, наполнял бутербродами пустое блюдо. Второй мужчина умело

разделявал хорошо прожаренного цыпленка. Я поежился: в быстрых согласованных действиях слуг (рабов?) отсутствовала живость, движения казались механическими... Это не рабы, это роботы!

— Что с ними? — требовательно спросил я.

Дон с улыбкой откинулся на спинку стула, позволяя девушке, закончившей заниматься бутербродами, выложить ему изрядную долю омлета с чем-то вроде жареного бекона. В это же время один из мужчин занялся моей пока еще пустой тарелкой.

— Когда-нибудь я тебе расскажу, — пообещал хозяин таинственного особняка и принял из рук служанки бокал с красным сухим вином. — Но не теперь. Теперь советую уделить внимание ужину.

О, этим советом я воспользовался весьма охотно и уже минуту спустя перестал замечать слуг, покорно снующих у стола и ловко наполняющих тарелки и бокалы. Три человека обратились для меня в подобие бессловесных бесшумных теней, в своего рода движущуюся деталь интерьера, и я впервые разделил высокомерие истинных аристократов, не считающих прислугу равными себе людьми.

Мы перешли к десерту, когда Дон, наконец, заговорил. В отличие от меня, он ел весьма умеренно: почти не притронулся к омлету, уничтожил всего один бутерброд, слегка поковырялся вилкой в овощном рагу и надкусил гренку.

— Я вижу, ты любитель поесть, — заметил он, приступая к черничному пирогу.

Я сыто и расслабленно улыбнулся и занялся большой порцией шоколадного мороженого, хотя до этого успел умять и изрядную долю жаркого, и три бутерброда, и колбасную нарезку, и много других восхитительных блюд.

— Я любитель удовольствий, — признался я, пригубив уже третий бокал вина.

Дон кивнул:

— Я знаю.

Это уверенное утверждение заставило меня встряхнуться и вспомнить, где я нахожусь. Выпрямившись на стуле, я настороженно взглянул на собеседника:

— Знаешь? Откуда же?

— О, я умею читать по лицам.

— Физиогномист? — язвительно поинтересовался я.

— Можно и так сказать, — согласился Дон. — Но мои способности шире, чем у простых физиогномистов. Хотя выражение лица, мимика, жесты могут сказать очень многое. Но не

ТОЛЬКО ОНИ.

— А что еще? — недовольно проворчал я, отодвигая ополовиненную вазочку с мороженым и без особого желания, скорее автоматически, приступая к сливовому джему.

— Эмоции и чувства весьма ярко отображены в ауре, — пояснил он, как ни в чем не бывало.

Я изумленно уставился на него.

— В ауре? Ну-ну!

— Если ты не способен видеть ауру, это не значит, что и остальные так же слепы, — безразлично заметил он. — Я многое могу сказать о тебе.

— Ну, давай, слушаю внимательно, — холодно проговорил я, начисто лишившись остатков аппетита. — Что же обо мне ты можешь рассказать?

Он склонил голову набок и всмотрелся в меня. Я поежился под его пристальным немигающим взглядом. Казалось, Дон действительно смотрит на что-то, мне недоступное.

— Твоя идеология основана на том, что самое главное в жизни — это удовольствие, которое она приносит.

— А что в этом плохого? — с вызовом спросил я. — Жизнь должна доставлять радость.

— Это верно, — не стал спорить Дон, продолжая буравить меня своим взглядом василиска. — Но твое понятие о радости ограничивается уровнем инстинктов.

— И опять-таки — что плохого?

— Я не собираюсь читать мораль, — тонко улыбнулся Дон, чуть сощурившись. — Поверь, мне выгодны твои убеждения.

— Выгодны? — напрягся я. — Отчего?

Он помедлил, прежде чем ответить:

— Я скажу, но немного позднее. Сначала продолжу. Итак, тебе нравится вкусная пища, дорогая выпивка, хорошие сигареты, крепкий кофе... Ты любишь общество ярких легкомысленных женщин, любишь азартные игры и компьютерные варианты реальности... иногда предпочитаешь проводить вечера не с разбитыми красотками и не в компьютерных дебрях, и даже не за игровыми автоматами, а в компании верных приятелей, распивая пиво под легкую закуску...

Меня поразила даже не та убийственная точность, с которой он расписал мою жизнь, а сам факт, что человек, обитающий в каком-то средневековом замке, знает о компьютере и

игровых автоматах. Ничего не понимая, я с ужасом смотрел на него, однако по его худому, с впалыми щеками, лицу нельзя было прочесть затаенных мыслей.

— Единственное, чего ты избегаешь, — это наркотики, — добавил он с удивлением.

— Ну, естественно! — выпалил я, приходя в себя. — Я не самоубийца.

— Как сказать, — усмехнулся он и сделал небольшой глоток из своего бокала. Я последовал его примеру, правда, мой глоток получился изрядным — мне требовалось успокоиться, и как можно скорее. — Но продолжим. Ты любишь острые ощущения и жаждешь разнообразия. Ты готов на многое ради денег. Вернее, не ради самих денег, а ради того, что можно на них купить. Ты не из тех, кто копит деньги ради них самих.

— Ты опять угадал, — я попытался выжать из себя смех. — Скажи, кто рассказал обо мне столько всего?

— Ты сирота, воспитывался в детдоме, и это не могло не наложить свой отпечаток, — задумчиво говорил Дон, игнорируя мои замечания. — Сейчас ты снимаешь квартиру вместе со своим другом, официально нигде не работаешь, но, тем не менее, не бедствуешь. Деньги время от времени у тебя появляются, и немалые, потом наступает краткий период безденежья, и ты перебиваешься случайными заработками.

— И ты даже знаешь, где я зарабатываю себе на жизнь? — тяжело дыша, хрипло спросил я, весь покрывший липким потом. Неужели он знает?! Нет, не может быть!

Черные с зеленым отблеском глаза остановились на моем лице, и я похолодел. Он знает, знает, знает! Но кто ему сказал?!

— За тобой водятся всякие грешки, я не считаю нужным упоминать о них, — заявил он, улыбаясь своей ледяной улыбкой. — Это не суть важно.

Но для меня как раз это было важным, очень важным. Ведь откуда-то он узнал! Однако я не успел расспросить его, Дон уже продолжал:

— Так и проходит твоя жизнь, Стас. Ты живешь ради удовольствий, платишь немалую цену, как в прямом, так и в переносном смысле, и не считаешь это зазорным.

— Ты знаешь даже мое имя, — напряженно отметил я. — Кто тебе обо мне рассказал?

Он удивленно вскинул брови:

— Я ведь объяснил в самом начале. Ты сам.

— Прекрати плести небылицы! — разозлился я. — Не верю я в такое! Кто?!

— В таком случае ты не должен верить, что сидишь в этой комнате напротив меня и поглощаешь сей отменный ужин.

Я замер и не нашелся, что ответить. Дон минуту выждал и заговорил вновь:

— А не задумывался ли ты, Стас, что твое поведение несколько опасно?

— Глупости! — пренебрежительно отмахнулся я. — Так многие живут. И мои приятели в том числе.

— Но ты не многий, — покачал головой Дон. Я непонимающе посмотрел на него. — Да, не сравнивай себя с обыкновенными людьми. Ты очень сильная личность.

Я невольно ощутил прилив гордости, хотя никогда не сомневался в силе своего характера.

— А на сильных возложена особая ответственность, — добавил Дон. — Ты это осознаешь?

— Почему же особая? — нахмурился я.

— Ну, так уж повелось, с сильных особый спрос. Я тоже отношусь к числу сильных. Сильными могут быть и мужчины, и женщины, ведь речь идет о силе духа, а не тела. Это особенные люди с пылающей душой. И вовсе необязательно хорошие люди. Среди таких часто встречаются не слишком нравственные. Вот ты, например.

— А ты? — с обидой спросил я.

— Ну, пожалуй, что и я, — хмыкнул он. — Но я, в отличие от тебя, отдаю себе отчет в каждом действии. Я понимаю, на что иду и зачем. А ты — не понимаешь.

— Ну, и на что ты идешь и зачем?

— Я готов многое отдать ради могущества и настоящей полноты жизни, — тихо и отчетливо произнес Дон, глядя прямо мне в глаза и почти гипнотизируя своим взглядом. — Ты ведь еще не испытывал всей полноты жизни.

— Не согласен, — упрямо возразил я, заставляя себя смотреть в его красивое лицо, лишенное даже намека на эмоции. — Я знаю, что такое интересная жизнь.

— Не спорю. Но ты не испробовал еще ВСЕ стороны этой жизни, — вкрадчиво сказал он, и его тонкие губы тронула едва заметная улыбка. — Но я могу показать и научить...

— Если ты опять о наркотиках... — начал было я, но он перебил меня пренебрежительным жестом:

— Нет, я о другом! Так ты хочешь познать вкус настоящей жизни?

Меня охватил тот же безотчетный ужас, что и пару часов назад в темном переулке. Хотя

сейчас мой страх объяснить было куда проще: о чем говорит этот странный человек, о каких удовольствиях, если речь идет не о наркотиках?

— А какова плата? — я попытался придать голосу насмешливость. — Моя душа? Кажется, так заключаются подобные сделки?

— А ты бы согласился? — с любопытством посмотрел на меня он.

Я осторожно ответил, взвешивая каждое слово:

— Сначала я бы выяснил, что именно подразумевается под таким обменом... Что я теряю? Что приобретаю?

— Выяснишь, — кивнул Дон. — Разумеется, выяснишь.

— И расписываться кровью? — мне начинало казаться, что я сошел с ума. О чем мы говорим, о какой душе?! Неужели серьезно?!

— Нет, расписываться вообще не требуется, — усмехнулся Дон. — Главное — дать согласие. Ты его даешь?

— Продать свою душу и взамен получить абстрактную полноту жизни?! — возмущенно уточнил я. — Нет уж, нашел дурака! Откуда я знаю, что ты понимаешь под полнотой жизни? И под продажей души?

— Ладно, не волнуйся, твоя душа мне ни к чему, своей хватает, — он вытер губы салфеткой и ободряюще улыбнулся. — Во всяком случае, мне не нужна твоя душа в том смысле, который обычно вкладывают. Я просто предлагаю тебе стать моим учеником.

Я недоверчиво смотрел на него. Высшего образования у меня не было, воспоминания о школе оставались весьма смутными и не особенно приятными, так что не могу сказать, будто воодушевился перспективой продолжить обучение.

— А чему ты хочешь меня учить? — наконец полюбопытствовал я.

Дон пожал плечами:

— Ну как чему? Черной магии.

На миг я понадеялся, что ослышался. Потом нервно засмеялся:

— Магии?! Меня?!! Да какой из меня маг!

— У тебя есть все задатки, — покачал головой мой удивительный сотрапезник, сохраняя полнейшую невозмутимость. — Поверь опыту.

— Да? У тебя уже были ученики? — мрачно пробормотал я. — И где они сейчас, чем

занимаются?

— Те, что прошли испытания, вполне благополучны, — улыбнулся он в ответ.

Я напрягся:

— А те, что не прошли?

Он предпочел промолчать, и я с тревогой сказал:

— Тогда я отказываюсь. Я наверняка завалю все твои испытания.

— Нет, не думаю, — улыбка его вызывала дрожь, ни у кого на свете я не встречал подобной улыбки. — Ты способен на порочный поступок?

— Разумеется, — сердито кивнул я. — Но смотря какой.

— После обучения у меня ты сможешь совершить что угодно, — заверил меня Дон, однако я упрямо вскинул подбородок:

— Тогда в чем причина неудач других твоих учеников? Чем я лучше?

— Силой духа, — твердо и настойчиво проговорил мой потенциальный учитель. — Ты даже не представляешь себе весь резерв возможностей мага, особенно черного.

— Почему — особенно черного? — не понял я.

Дон вздохнул:

— Неужели не ясно? У белых магов полным-полно табу и запретов. Эдакие монахи, пребывающие в постоянной молитве и предающиеся аскетизму. Ты хотел бы отказаться от всего и стать аскетом?

Я невольно ухмыльнулся, вообразив себя в сутане монаха, с котомкой для хлеба, бредущего босиком по каким-то горам. Улыбка расползлась по моему лицу, и Дон, правильно истолковав ее значение, энергично кивнул:

— Понимаешь теперь? У черных магов возможности обширнее, свобода — безгранична.

— Но я не представляю себя магом! — я все еще пытался слабо сопротивляться. — Чему конкретно ты будешь меня учить?

— Тому, как сделать жизнь по-настоящему полной, — с неожиданной для этого человека страстью произнес Дон. — Тому, как наслаждаться каждым мгновением своей жизни, выпить ее всю до дна!

Я ведь уже неоднократно упоминал, что не мог противиться ему. Как вы думаете, я

согласился?

* * *

На следующее же утро, когда я проснулся в абсолютно незнакомой комнате, моя жизнь кардинальным образом переменялась.

Я и раньше не относился к числу людей, мирящихся с серыми буднями и скучной повседневностью, и всегда умел привносить в каждодневную суету что-то новое. Но по сравнению с зыбкой переменчивостью, в которую отныне превратилась моя жизнь, приключения прошлого стали казаться едва ли не посредственным времяпровождением.

Спальня, выделенная мне Доном, была не очень большой и не особенно уютной, но к уюту я никогда не стремился, а энергетика тайны, налет средневековой романтики и аромат приключений с лихвой окупали и сырость, и полумрак, и постоянный промозглый холод...

Старинная дубовая мебель, каменные стены, свечи, великолепный вид из окна на густой парк с тенистыми аллеями и фонтаном, запах воска и благовоний — все это утоляло неуемную жажду разнообразия, и мучительный эмоциональный голод, принуждавший меня кидаться из одной авантюры в другую, немного приутих. Мне было бы достаточно проводить все дни в этом старинном парке с изумительными скамьями из белого мрамора, поглощать изысканные обеды, коих в наше время нигде не попробуешь, носить чудаковатую одежду (как быстро я к ней привык!), чтобы ощутить себя полностью счастливым. Но Дон рассуждал иначе, и скучать не приходилось.

Каждое утро начиналось с разминки, напоминавшей йогические позы, которые я как-то подсмотрел в одной из книг, потом следовал сытный и вкусный завтрак. Далее Дон посвящал несколько часов тому, что называл «уроками магии», хотя я в те времена не мог понять, какое отношение магия имеет к этим пространственным рассуждениям. Я часто терял нить рассказа, за что мой новоявленный учитель умело и зло высмеивал меня. Он любил прерваться на полуслове для бомбардировки вопросами, и не дай бог что-либо упустить! Повествовал черный маг о многом: о Вселенной и космосе, о существовании огромного числа реальностей, в каждой из которых вполне могут жить наши аналоги, о духе и душе, о теле и эмоциях... Иногда мне было почти интересно, но чаще я начинал путаться буквально через пять минут, ведь разобраться в хитросплетениях мировоззрения Дона было весьма непросто.

Зато вечера и отчасти ночи отводились для удовольствий, и несколько дней спустя я вынужденно признал правоту Дона: я действительно раньше не понимал, что может включать в себя настоящее наслаждение.

Маг с легкостью перемещался по реальностям и мирам, разительно отличающимся друг от друга, и хотя не спешил обучить и меня этому искусству, каждый раз неизменно брал с собой. Где я только ни побывал! Рыцарские турниры, гладиаторские бои, самые разные женщины, готовые исполнить любое желание, лучшие вина и закуски, сладкий дурман кальяна, азартные игры, где ставкой становится жизнь раба... А еще — охота в дебрях

тропических джунглей, участие в жертвоприношениях, наблюдение за средневековыми казнями преступников, коррида и прочее, прочее... Я привык к запаху крови, зрелище смерти превратилось в игру, и я хрипло вторил своим новым друзьям, кричавшим во всю мощь легких: «Убей!», и тоже указывал большим пальцем вниз, тем самым подписывая одному из гладиаторов смертный приговор...

Я возвращался под утро и без сил валился на кровать.

Дон редко составлял мне компанию. Он просто провожал меня в какую-нибудь реальность, показывал, где лучше всего провести очередной вечер, и исчезал... чтобы ближе к утру появиться вновь и забрать обратно. Должно быть, все эти развлечения давным-давно приелись ему — во всяком случае, так думал я в ту пору.

Однажды во время дневной лекции Дон спросил (мы прогуливались по парку, как и всегда):

— Как тебе вчерашний вечер? Понравился?

Я, только что изо всех сил пытавшийся вникнуть в неудобоваримое объяснение устройства вселенной, не сразу сумел переключиться на другую тему и несколько минут тупо смотрел на учителя. Он слегка улыбнулся:

— Чем ты был занят?

— А! — я опомнился и энергично кивнул: — Это было презабавно! Гладиаторский бой, причем я выиграл! Тот гладиатор, на которого я ставил, убил соперника!

— И что же ты выиграл?

— Не что, а кого. Женщину, — я почти облизнулся, вспомнив роскошную брюнетку с бронзовой кожей и восхитительным телом, обладающим всеми необходимыми изгибами. — Вернее, ночь с ней. Одна из известнейшей гетер! У меня никогда не было таких женщин!

— Еще бы, — усмехнулся он и, помолчав, задумчиво поинтересовался: — А тебе не приелись эти развлечения?

— Приелись?! — я почти захлебнулся от возмущения. — Да как это может приестся!

— Вполне может, — не согласился он. — Есть удовольствия еще более острые.

— Какие же? — жадно осведомился я, успев за минувшие пару недель утратить остатки осторожности. Скажи он, что хочет дать мне на пробу какой-нибудь наркотик — я бы рискнул!

— Смерть и жизнь, — тихо произнес маг, и мое воодушевление мигом испарилось без следа. Дон тотчас заметил перемену и ехидно добавил: — Трусишь? Ставить на кон чужую жизнь просто. А свою — нет?

— Нет, — сглотнув, с трудом выговорил я. — Зачем мне рисковать собой?

— Чтобы испытать острое наслаждение при выигрыше, — отозвался маг. В его взгляде и голосе было столько затаенной страсти (а любая страсть — редкий гость у скупого на эмоции Дона), что я немного заинтересовался и спросил с осторожным любопытством, которое нельзя было бы истолковать превратно:

— А если я проиграю?

— Ну а какое наслаждение без риска? — ухмыльнулся Дон.

Я пару секунд молчал, собираясь с силами.

— А ты сам пробовал так играть?

Он рассмеялся своим отрывистым смехом:

— Я? Ну разумеется! Кстати, вспомни, что я рассказывал тебе пару дней назад об игре со смертью. Неужели забыл?

Я изо всех сил напряг память, мысленно кляня способность Дона внезапно задавать вопросы. О чем же он говорил пару дней назад?!

— Ты говорил... что никто не знает, когда умрет, — наконец неуверенно протянул я, искоса взглянув на мага, лицо которого осталось непроницаемым. Вежливо выслушав меня и подождав продолжения, Дон ехидно осведомился:

— Как, и все? Больше я ничего не сказал? Только выразил эту весьма оригинальную мысль о том, что час смерти никому неведом? Кстати, я не говорил НИКОМУ. Я сказал — ПОЧТИ никому. Исключения встречаются всегда. Итак, больше я ни о чем не упоминал?

Я покраснел.

— Упоминал... что надо постоянно помнить о смерти... — я собрался с духом и решительно закончил: — Прости, Дон, больше я не могу ничего сказать. Понимаешь, в тот момент я был чересчур ошарашен твоими словами и пытался решить для себя, согласен ли с ними.

— А что в них тебе не нравится?

— Зачем постоянно думать о смерти? — поинтересовался я. — Какой в этом смысл? Чтобы жить в вечном страхе?

— А зачем бояться того, что в любом случае непременно произойдет? — Дон как будто искренне удивился. — Смерть может стать продолжением жизни, если ты на самом деле этого захочешь. Но бояться... В чем смысл?

— А думать зачем о ней? — настаивал я. Меня действительно занимал этот вопрос.

— Затем, чтобы не тратить понапрасну ни единого мгновения, — жестко ответил маг и выпрямился, хотя его осанка и без того была царской. — Чтобы не тратить жизнь на стотысячное пережевывание того, что кануло в небытие, и на беспокойство по поводу еще не произошедшего. Нужно помнить, что ты на этой планете только временный гость, тебе отпущен определенный срок для выполнения некоей задачи, и ты даже не помнишь этой задачи и не знаешь сроков исполнения... Нужно ускорить темп жизни, иначе можно не успеть. Потребуют ответа, а ты еще не успел прочитать задание.

Я старательно обдумал его слова. Что-то в них мне не нравилось, вызывая смутную неопределенную тревогу. Наконец я сумел сформулировать свою мысль:

— А в чем состоит эта задача, которую нам надо выполнить? Ведь не в том, чтобы получать удовольствие от жизни?

Дон внимательно взглянул на меня:

— Этот вопрос не ко мне. Черные маги такими вопросами не задаются. Философствуют на подобную тематику белые маги.

— Но... но тогда я вообще ничего не понимаю! — я растерялся и разозлился одновременно. — Какой был смысл рассказывать мне о том, что предназначено для ушей белого мага?!

Казалось, Дон получает удовольствие от моего возмущения.

— О, теория магии не может быть белой или черной, — тонко улыбнувшись, пояснил он с усмешкой превосходства, вызвавшей в моей душе целую бурю. — Теория одна, и именно ее я тебе излагаю. А применение этой теории разное. И о применении мы сейчас говорим. Я говорю о том, как полнее попробовать жизнь, а если тебе интересно, в чем состоит твоя задача, обратись к Алексу.

— К кому? — переспросил я удивленно.

— Алекс тоже маг, как и я... правда, окраса противоположного. Он — мой основной соперник в этой реальности, — Дон помолчал и вдруг добавил с совершенно другой интонацией: — И запомни, Стас...

Голос его зазвучал вкрадчиво, почти ласково, и этот медовый тон буквально парализовал меня:

— Да? Что запомнить?

— Ты свой выбор сделал. Если вздумаешь перейти на другую сторону... или не станешь исполнять моих... м-м... советов... ты пополнишь ряды моих личных рабов.

Я похолодел.

— Так эти слуги... — язык плохо слушался меня, на лбу выступила испарина. — Эти слуги... это твои бывшие ученики? Не оправдавшие надежд?

Он улыбнулся одними губами, взгляд черно-зеленых глаз оставался неподвижным и мертвым:

— Да. И поэтому повторяю вопрос: хочешь ли ты сыграть в азартную игру, в которой ставкой станет твоя жизнь?

И я понял, что выбора мне не оставили. Я не могу ответить нет... Уже — не могу.

* * *

Весь остаток дня я провел в нервном ожидании. Что подразумевал Дон? Какую интригу задумал? Наверное, свой вариант русской рулетки, когда револьвер заряжают всего одной смертоносной пулей, крутят барабан и приставляют дуло к виску... И — как повезет! При мысли о том, что несколько часов спустя мне придется нажать на спусковой курок и с леденящим ужасом ждать смерти... и мечтать услышать сухой щелчок... при мысли об этом меня начинало тошнить. Никогда в жизни, никогда я не испытывал подобного страха!

Даже за обедом я потерял изрядную долю аппетита и сумел впихнуть в себя только кусочек жареного мяса и немного тушеной моркови. Должно быть, мое настроение отразилось в выражении лица, так как Дон, приступая к омлету, с деланной заботливостью осведомился:

— Тебе нездоровится? Ты плохо выглядишь и почти не ешь.

Я поднял на него полный ненависти взгляд. Вот лицемер! Как будто не понимает причины моего дурного расположения духа!

— Ты тоже не ешь, — хмуро отметил я, не ощущая в себе способности по-настоящему огрызаться.

Дон улыбнулся:

— Я всегда мало ем, если ты обратил внимание.

Что верно, то верно! Я и раньше удивлялся, как Дон умудряется противостоять соблазнам. Да и зачем?

— Странный из тебя черный маг, — пожал я плечами, хмуро глядя в тарелку и размышляя о том, смогу ли проглотить еще хоть кусочек. — Ничего не ешь, мало пьешь, развлекаешься — не развлекаешься...

— Черная магия, по-твоему, исчерпывается только этим? Да и потом, с чего ты взял? — спросил Дон, умело орудуя ножом и вилкой. — Говоришь с такой уверенностью, словно следил за мной.

Я немного растерялся.

— Ну, то, что ты не ешь, я вижу, — наконец проговорил я, старательно выбирая слова. Не хватало еще задеть или обидеть моего загадочного друга. — А развлечения... Ты никуда со мной не ходишь.

— Ты знаешь, сколько мне лет? — неожиданно поинтересовался Дон. Я отрицательно покачал головой, не понимая, куда он клонит. — Много. Очень много. Гораздо больше, чем ты полагаешь. Я, знаешь ли, несколько утратил вкус к пище. Я слишком много экзотических блюд перепробовал, выпил огромное число коктейлей и вин, и теперь еда для меня — просто энергия для тела. Редко, очень редко, я могу по-настоящему насладиться ее вкусом. Иногда я почти жалею об этом...

— Это касается и других удовольствий? — скорее сказал, чем спросил, я, отодвигая в сторону тарелку. Мысль о грядущем вечернем «развлечении» не давала покоя, и есть я попросту не мог.

Дон несколько минут хранил молчание, сосредоточенно поглощая хорошо прожаренный бифштекс.

— Пожалуй, что да... Ты прав, на данном жизненном этапе мне приносят радость другие вещи.

— Какие же?

— Позволь не ответить, — тонко улыбнулся он и указал вилкой на миску с овощным салатом. — Ешь, набирайся сил! Вечером тебя ждет веселое мероприятие, надо быть в форме!

Ах, чтоб тебя!

— Я в форме, — процедил я сквозь зубы и отвернулся.

* * *

Было около десяти вечера, когда в дверь моей комнаты постучали. Разумеется, ночным гостем оказался Дон — впрочем, я уже поджидал его.

— Привет, — поздоровался черный маг, с легкой улыбкой разглядывая меня — я сидел у окна, напряженный, словно сжатая пружина, и тщетно старался успокоиться. — Готов?

Я нашел в себе силы лишь на короткий кивок. Поднялся, плотно запахнул сюртук, натянул берет... Я знал, что стиль одежды в любом случае немного изменится,

подстроившись под моду той реальности, в которой мы очутимся. Поначалу это пугало меня, потом забавляло, но, в конце концов, я стал относиться к данному явлению совершенно спокойно и почти так же равнодушно, как и Дон. Ко всему привыкаешь...

Мой провожатый оделся в излюбленный черный плащ — я успел убедиться, что это его одеяние практически не меняется от реальности к реальности. Дон вообще отдавал предпочтение темным вещам строгого покроя и лишь в редких случаях позволял себе украсить ворот тонким серебряным шитьем.

— Кстати, сегодня я познакомлю тебя с моей ученицей.

Я в этот момент пристраивал к кожаному поясу с серебряной пряжкой огромный кинжал, чей искусно сделанный эфес посверкивал несколькими крупными рубинами и одним изумрудом.

— Что? — я поднял голову и изумленно уставился на Дона, мне подумалось, я просто ослышался. — Я полагал, у тебя больше нет учеников...

— Есть, — возразил маг. — Милая девочка эпохи средневековья. Инквизиция пару лет назад чуть было не сожгла ее как ведьму на костре. Беллу приговорили к аутодафе.

Я сглотнул:

— Ты ее спас?

— Да, от смерти на костре — спас... — лениво кивнул он. — И решил подучить... чтобы было за что сгорать в пламени!

Он хохотнул, и этот сухой смешок напомнил мне выстрел, и мысли опять вернулись на круги своя. Я зябко поежился:

— Ты так зло это сказал... а в чем Белла была виновата? За что ее преследовала Инквизиция?

Дон раздраженно, как мне показалось, повел плечом:

— За что? За красоту, дерзкий нрав, острый ум и тягу к знаниям! Она принадлежит к древнему аристократическому роду, вся ее жизнь — на виду...

— Понятно... — пробормотал я и тяжело вздохнул: — Что ж, познакомлюсь...

«Если останусь жив» — добавил я мысленно.

Дон улыбнулся и направился к выходу. У дверей на миг задержался:

— Да, Белла временно поживет у меня. Не против соседствовать с очаровательной молодой леди?

Я внутренне похолодел. Не значат ли его слова, что Дон предвидит: я не вернусь обратно, и мое место займет кто-то другой?

Проклиная тот миг, когда я решил по неведомой мне самой причине последовать за незнакомцем в черном плаще, я заставил себя ответить со всем безразличием, на которое был способен:

— Я вообще не против очаровательных молодых леди...

* * *

— Сегодня я начну учить тебя перемещаться по реальностям самостоятельно, — заявил Дон, когда мы покинули замок и направились к воротам.

Уже совсем стемнело и изрядно похолодало, но я слишком нервничал, чтобы замерзнуть по-настоящему. Я так и не сумел точно определить сезон, в котором существовал теперь благодаря Дону: ранняя весна, осень? Листва оставалась темно-зеленой и вроде бы не собиралась опадать, но частые дожди, промозглая сырость, вечерняя и утренняя прохлада не позволяли поверить в лето с его духотой и сладким ароматом фруктов...

— Обычно мы даже из замка не выходим, — заметил я, оглядываясь. Дальше парка я никогда еще не заходил, просто не испытывал такой нужды: сад был огромен и роскошен, а ночные прогулки по разным эпохам и мирам вполне удовлетворяли мою жажду разнообразия. Сейчас, однако, было чересчур темно для анализа местности.

— Тебе будет психологически проще, если мы одновременно с перемещением в реальности совершим перемещение и в пространстве, — туманно пояснил Дон, бодро шагая вдоль ограды. Я едва поспевал за ним. Под ногами тихо шуршал гравий, ветер пробирался сквозь плотную ткань сюртука и доносил на своих волнах запах травы...

— И что мне нужно делать? — нервно осведомился я на ходу. Как я мечтал научиться путешествовать по реальностям! Но почему все происходит так не вовремя?! Сейчас не очень подходящее время, все мои мысли сосредоточены на другом... Или Дон решил специально отвлечь меня? Нет, вряд ли им могут двигать столь благородные мотивы!..

— Пока постарайся представить, что ты идешь по берегу моря. Сейчас поздний вечер, и занавес темноты поможет тебе создать правдоподобную иллюзию.

Я криво улыбнулся, сомневаясь в своей фантазии, однако честно постарался вообразить себя на морском берегу. Попытался поверить, что шум ветра в листве — это шорох волн, что пахнет солью, что воздух полон не осенней, а морской сырости...

— И что это дает? — пару минут спустя безнадежно спросил я. Ничего ровным счетом не происходило.

— Пока ничего, — успокоил меня Дон. — Не все сразу. Сегодня у тебя вряд ли

получится. Всему учатся. Просто иди и думай о том, что я сказал. Вот и все. В остальном я помогу.

Я послушался (а что мне еще оставалось?), и эти вынужденные потуги представить себя на морском берегу оказали благотворное воздействие на мою нервную систему. Во всяком случае, я немного успокоился, и от мыслей о смерти переключился на мысли о перемещении в реальностях. Не знаю, эту ли цель преследовал Дон, но в любом случае я был ему немного благодарен. Иначе я вполне мог сойти с ума в ожидании грядущей психологической пытки.

— Мне кажется, или запахло морем? — прошептал я по прошествии минут двадцати. Мне действительно почудился свежий солоноватый аромат, и земля под ногами из твердой каменистой сделалась мягкой... словно шагаешь по влажному песку...

— Да, пожалуй, — негромко откликнулся Дон.

Меня охватил приступ ликования, смешанного с недоверчивым изумлением:

— Неужто получилось?!

Я скорее почувствовал, чем увидел, как Дон насмешливо усмехнулся, и мое воодушевление испарилось без следа.

— Нет, не у тебя, — мягко заметил он. — У МЕНЯ получилось. У тебя пока что ничего не получилось. Но не стоит огорчаться — мало, у кого получается сразу.

И все-таки я огорчился... всегда приятнее ощущать себя особенным и одаренным... Принадлежать числу посредственных заурядностей немного унижительно.

— Нам сюда... — вывел меня из печальных раздумий спокойный голос Дона, и я, очнувшись, свернул с песчаного пляжа на мощеную плиткой (судя по звуку от удара подошв) аллею. Пробираясь буквально на ощупь, я промерз до костей и мысленно придумывал для своего провожатого какую-нибудь изощренную кару. Не знаю, сколь острые ощущения меня ожидали, но этой прогулки по холодному берегу (тут зима, не иначе!) я вовек не забуду!

Наконец, вдали забрезжил свет, и я воспрянул духом. Ускорив шаг, я нагнал изрядно опередившего меня Дона и с воодушевлением спросил:

— А что это там сияет?

— Трактир, — лаконично ответил Дон.

Мое настроение повысилось еще на несколько градусов. Трактир ассоциировался у меня с теплом, вином и плотной закуской, а все это в данную минуту как раз и составляло предел моих мечтаний.

— Трактир — это замечательно, — заявил я, потирая руки.

Дон искоса взглянул на меня:

— Ну-ну... Я познакомлю тебя со своей ученицей и только потом откланяюсь. Она объяснит условия игры.

— А она тоже будет играть? — удивился я.

— Разумеется! И еще сыграет один любитель острых ощущений, граф Макмандр. Он перепробовал все, что только мог придумать, и перешел на игру со смертью.

Я нервно усмехнулся. Один из трех сегодня умрет... Шанс не дожить до утра чересчур велик!

— А ты не хочешь составить нам компанию? Тряхнуть стариной? — с вымученной иронией предложил я.

Дон тихо рассмеялся и покачал головой:

— Я постоянно играю со смертью. Я живу этим поединком.

— И сейчас?

Маг кивнул почти торжественно:

— Да, каждую секунду... Я тебе объяснял, причем дважды, но ты не счел нужным выслушать по-настоящему.

— Ты опять про то, что о смерти нужно постоянно думать? — несколько раздраженно уточнил я. — Тоже мне, игра!

— Не согласен, — негромко возразил Дон. — Следуй все этому правилу, ошибок совершалось бы куда меньше... А жизнь доставляла бы массу удовольствий. Половину поводов для радости люди просто не замечают, занятые своими выдуманными переживаниями.

К счастью, в этот момент мы приблизились к низенькой белой ограде, и я был избавлен от необходимости отвечать.

Трактир оказался одноэтажным, полукружья окон манили рассеянным золотистым светом, а из приоткрытой двери доносились звон посуды, приглушенный смех и веселые хмельные голоса. Переступив порог вслед за Доном, я вдохнул теплый, пропитанный аппетитными парами, воздух, и ощутил приступ голода — все-таки за обедом я недополучил свою порцию калорий.

Мы очутились в достаточно просторном душном зале, который освещался древней люстрой, состоящей из десятка оплывших свечей. Основное пространство помещения занимали небольшие деревянные столы, окруженные узкими скамьями. Справа

располагалась стойка, отгораживающая дверь в подсобные помещения, и стена за этой стойкой состояла из полок с весьма богатой коллекцией спиртных напитков. Немолодой седовласый трактирщик в грязно-белом переднике наливал в высокие бокалы темно-вишневый напиток из пыльной пузатой бутылки и на нас взглянул лишь мельком и без особого интереса. Дон неспешно осмотрелся и направился к дальнему столику в углу помещения.

За этим столом сидели двое: молодая женщина с очень белой, словно сахарной, кожей и красно-золотыми короткими кудрями, и мужчина лет сорока с сероватым нездоровым лицом, запавшими глазами в багровых прожилках и буро-русые волосы, падающими неопрятными прядями на выпуклый залысый лоб.

Дон поздоровался, обменявшись рукопожатием с женщиной, и представил меня:

— Это мой друг Станислав, коротко — Стас, а это — его сиятельство граф Макмандр.

Я ответил на довольно вялое рукопожатие графа.

— Моя хорошая знакомая Белла. Фамилию она предпочитает не упоминать, — продолжал представлять нас друг другу Дон.

Я внимательнее взглянул на девушку. Широкоскулое лицо, зеленые миндалевидные глаза, чуть вздернутый нос, тонкие брови цвета грецкого ореха...

Мягкие полные губы дрогнули в улыбке, столь очаровательной, что заготовленные мною слова приветствия так и остались невысказанными. Я покраснел как рак и пробормотал что-то невнятное. Я встречал немало красивых женщин, особенно в последнее время, но эта незнакомка... в ней было что-то помимо обыкновенной привлекательности... что-то от колдуньи... Неудивительно внимание Инквизиции к ее персоне! Или ведьмовское обаяние появилось уже после уроков Дона? Вот любопытно, в какой форме проходили их уроки?

Белла протянула тонкую белую кисть, и я, чуть склонившись, коснулся губами прохладной нежной кожи. Помедлил долю мгновения, искушение продлить поцелуй было чересчур велико... Но я вспомнил ироничность Дона и тотчас выпрямился.

— Приятно познакомиться, — продолжая мило улыбаться, проворковала девушка. Впервые я услышал настоящий грудной голос и вынужден был признать — он являлся последним штришком, дополняющим образ чаровницы.

— Взаимно, — неуверенно прохрипел я в ответ, не в силах оторвать от нее взгляда. Изящный стан Беллы туго обтягивал серый с искрой наряд, расходящийся от бедер до самых щиколоток широкими складками. Низкое декольте подчеркивало соблазнительную пышность бюста, вокруг шеи в несколько раз была обмотана жемчужная нить, в ушах покачивались крупные подвески в том же стиле, а взбитые кудри украшал серебряный гребень...

Услышав смешок Дона, я опомнился и торопливо перевел взгляд на соседа Беллы. Граф был одет еще более ярко и вычурно, однако ни шелковая белоснежная сорочка, ни лазурный жилет, ни расшитый камнями сюртук, ни даже массивные перстни не скрывали припухлость лица, мешки под глазами, нездоровый оттенок кожи... Должно быть, Макмандр был любителем хорошо выпить либо же страдал от какой-нибудь болезни. Судя по рассказу Дона, истине наверняка соответствовал первый вариант.

Здесь мне следует сделать небольшое отступление. По-видимому, нужно объяснить, на каком языке мы общались... Для этого я вернусь к самой первой лекции, которую прослушал на следующий день после своего переезда в замок Дона.

«Основной момент — это умение говорить на всех языках сразу, — вешал Дон, прогуливаясь по аллее. — Иначе вся прелесть путешествий по реальностям теряется. Ты просто не поймешь речь жителей того мира, в который переместился».

«И как же я смогу научиться этому основному моменту?» — беспокоился я, вообразив толстенные тома с заумными названиями. Я никогда не относился к полиглотам.

«Пока путешествовать ты будешь со мной, беспокоиться нет причин, — пояснил Дон. — Я опытный... м-м... странник, если можно так выразиться. Твое облачение, одежда подстроится под очередную реальность, и твой язык, твое умение понимать чужую речь — тоже».

«Я начну говорить на иностранном? — изумился я. — Прямо-таки сразу?»

«В каком-то смысле, — улыбнулся Дон. — Все гораздо сложнее, но для простоты изберем эту модель. Пускай так — ты сразу выучишь новый язык, хотя и временно».

«Ух, ты! — восхитился я. — Классно!»

«Погоди радоваться, — сурово прервал меня Дон. — Все это справедливо только пока я буду твоим провожатым. Когда ты научишься путешествовать самостоятельно, ты должен будешь помнить о множестве вещей, чтобы не попасть впросак. И одна из таких вещей — речь. Никогда не забывай об этом!»

Но пока я не умел путешествовать самостоятельно, так что способность понимать чужой язык и даже говорить на нем приходила сама собой... Наверное, это относилось и к Белле...

— Дон, а вы разве не остаетесь? — обворожительный голосок Беллы проник в мои мысли и вывел из задумчивости. Я перевел взгляд на Дона, явно собирающегося уходить.

— Нет, я не могу остаться.

— Можете, — твердо возразила девушка и лукаво улыбнулась.

Я, не сдержавшись, прыснул. Интересно, что скажет наш черный маг на столь категоричное заявление? Начинаящая колдунья искоса посмотрела на меня и неожиданно

подмигнула. Я ответил улыбкой — как я надеялся, хотя бы вполтину столь же обаятельной, как ее собственная.

— И все-таки — не могу, — холодно повторил Дон.

Белла капризно надула губки. Я искренне любовался ею, каждое движение молодой ведьмочки производило впечатление безупречного и продуманного.

— Неужели вы столь невежливы, что откажете даме? Никаких срочных дел у вас нет. Уж это-то я чувствую! Вы сами учили меня...

И опять мелькнула досадная мысль: как именно он учил ее? Перепробовала ли она, подобно мне, все грани удовольствий? Почему-то сделалось неуютно, стоило вообразить эту рыжеволосую красотку участвующей в какой-нибудь оргии...

— Ну же, Дон, не будьте занудой, — заговорил наконец-то и граф. Голос у него оказался низким и хриплым, словно его обладатель был сильно простужен. — Присоединяйтесь! Иногда надо и развлекаться...

— Вот-вот! — ехидно подхватил я. — А какое развлечение может быть более увлекательным, чем игра со смертью? Не так ли?

Маг взглянул на меня, и его глаза полыхнули демоническим огнем, а губы искривились в усмешке.

— Хорошо, я составлю вам компанию. Сыграю роль судьи.

— Пускай хоть так, — с легким вздохом согласилась Белла.

Граф разочарованно протянул:

— То есть сами испытывать судьбы вы не намерены? Глупо... многое теряете...

— Да уж, — не удержался я, с трудом сохраняя остатки самообладания. — Очень многое!

Вот ведь негодяй! Втянул меня в непонятную авантюру, а сам-то слишком умен, чтобы ставить на кон собственную жизнь! Сразу видно — черный маг! Дернула же меня нелегкая связаться с ним!

— Нас ждет изысканный ужин, — пропустив мои слова мимо ушей, обронил колдун и устроился на скамье возле Беллы. Меня в третий раз кольнула ревность (хотя с чего бы?), но, с другой стороны, я был вовсе не огорчен возможностью расположиться напротив рыжеволосой прелестницы и без помех любоваться ею. Моим соседом стал граф, от которого исходило совершенно неаристократическое амбре: дикая смесь тяжелого парфюма, перегара и пота. Я невольно сморщился и отодвинулся на самый краешек скамьи.

— Здесь самообслуживание, но для меня и его сиятельства сделают исключение, —

проговорил Дон и, оглянувшись на стойку, коротко кивнул. Минуту спустя около нашего столика остановился трактирщик с пухлым блокнотом и спросил сиплым голосом:

— Чего желаете?

— Грибной суп, тушеный кролик с морковью, печеный картофель, рисовые шарики, жареный окунь, овощной салат, на сладкое — пудинг со взбитыми сливками, ванильное мороженое, булочки с маком, горячий шоколад... Из напитков — сухое белое вино двухсотлетней выдержки марки «Бариссен».

Услышь я подобный заказ еще пару месяцев назад, наверняка изумился бы. Но после более чем сытных обедов и завтраков, коими потчевали меня слуги Дона, я привык к разнообразию блюд, так что на моем лице не дрогнул ни один мускул. Безучастным остался и граф — и не удивительно, все-таки аристократ и явно не из бедствующих. Я с любопытством взглянул на Беллу — женщины в моем родном мире щепетильно подходят к питанию, однако ведьмочку как будто не особенно волновала проблема фигуры. Уголки красиво очерченных губ слегка дрогнули, светло-зеленые глаза вспыхнули лукавством, однако я сомневался, что эту томную усмешку вызвали мысли о еде.

— Итак, судьбу решат вот эти бутылочки, — не дожидаясь выполнения заказа, изрек Дон и, сунув руку в карман своего напоминающего сутану плаща, вынул хрустальный округлый флакон с причудливо ограненной крышечкой в форме диковинного цветка. Осторожно поставив изящную склянку на стол, маг достал еще два пузырька. И если сами флаконы были идентичны, то содержимое различалось: первый наполняла бледно-розовая жидкость, второй — бирюзовая, а третий мерцал искристо-пурпурной смесью. Спорю на что угодно — когда мы вышли из замка, у Дона эти «баночки» отсутствовали!

— Ну, и что в этих банках такое? — грубовато осведомился я, не желая демонстрировать охватившее меня нервное напряжение. Я искоса взглянул на Беллу. Неужели ей не страшно? Девушка казалась безмятежно-спокойной, но ведь все женщины чуть-чуть актрисы... Наверняка она играет на публику!

— В этих, как ты выразился, банках, содержится ваша судьба, — снисходительно пояснил Дон и провел пальцем по гладкой грани одного из флаконов. — Чайная ложка, смешанная с вином, дарует одно из трех: вечный сон, крепкий сон либо вещий сон. Кому как повезет.

— Именно с вином? — уточнил граф.

Дон кивнул:

— Да, и особенно важно качество вина. Я неплохо разбираюсь в винах, — тут маг позволил себе легкую улыбку, — и сумею по вкусу определить, не обманул ли нас трактирщик. Впрочем, Жак честен и меня знает. Не станет подсовывать некачественный продукт.

«Еще бы!» — подумал я, рассматривая расставленные на столе флаконы с таким чувством, словно они были атомными бомбами, готовыми взорваться с минуты на минуту.

— Оттенок эти настои придают вину своеобразный, — продолжал Дон совершенно спокойным тоном. — Вкус самого вина теряется полностью.

— И что это за оттенок? — с жадным любопытством спросил Макмандр. Я впервые за вечер заметил в его лице признаки оживления: взгляд графа перестал быть туманным, а на впалых щеках выступил неровный румянец.

— Я не хочу лишать вас удовольствия, — желчно рассмеялся Дон. — Сами попробуйте и скажете. Я, конечно, знаю, что содержится в каждом конкретном флаконе, но не буду открывать секрет. Удовольствие заключается именно в неожиданности. Сюрприз — залог тончайшего наслаждения, не так ли, ваше сиятельство?

— О, несомненно! — с каким-то алчным возбуждением просипел Макмандр, впившись в бутылочки лихорадочным взглядом. Неужели он действительно получает удовольствие от происходящего?! Лично я был уже едва жив от волнения, да и Белла утратила хладнокровие. Она все еще улыбалась, но пальцы, впившиеся в деревянную столешницу, немного дрожали. Не знаю, как это меня характеризует, однако я ощутил абсурдное облегчение, убедившись, что не оказался трусливее женщины. В конце концов, внешне я тоже старался сохранить невозмутимость — правда, не могу утверждать, насколько успешно.

— Ты сказал, в одном из них — вечный сон, в другом — крепкий сон, в третьем — вещей, — заговорил я. — А что конкретно ты подразумеваешь под этим?

Дон охотно разъяснил:

— Подействуют напитки через несколько часов, и эффект будет не внезапным, а постепенным. Вечный сон — это, разумеется, смерть. Испивший чашу смерти уснет и более не проснется. Крепкий сон — именно крепкий сон. Человека, выпившего это снотворное, невозможно будет разбудить в течение суток. Зато проснется он (или она) с полностью восстановленными силами, бодрым и энергичным, как никогда. Ну, а вещей сон... тут не совсем верная формулировка. Это не сон о будущем, это, скорее, сон о себе самом. Во сне ты увидишь глубины собственной души. Порою это сводит с ума, ведь признать тот факт, что ты на самом деле монстр, сложно.

Возможно, он был прав, но в ту минуту я был готов убедиться в любых своих тайных грехах и пороках (тем более что святым себя не считал), лишь бы избежать участи смертника. Я внимательнее взгляделся во флаконы. Интересно, какой из них содержит порцию яда? Наверняка пурпурный...

— Чудесно... — прошептал граф.

Я недовольно покосился на него. Макмандр выглядел немного безумным, узкое лицо покрылось красными пятнами, взгляд горел вожделием, вдобавок его сиятельство

постоянно облизывал губы.

— Да уж, замечательнее не придумаешь, — не утерпел я и, поймав одобрительный взгляд Беллы, невольно воодушевился и добавил с наигранным спокойствием: — Полагаю, лучший вариант — крепкий сон. Выспаться давно мечтал!

— Да, несомненно, — согласилась Белла. Она как будто чуть охрипла и, прокашлявшись, увереннее сказала: — Хотя узнать что-нибудь о себе тоже полезно. Кто первым выбирает напиток? Или кинем жребий?

В голосе ее прозвучали веселые нотки, слегка отдающие истеричностью.

— Зачем же? — мягко возразил Дон. — Первой выбирает дама. Вторым — граф как титулованная особа.

Макмандр приосанился, а я скрипнул зубами от досады. Дон обернулся к Белле:

— Итак?

Девушка, закусив губу, вперила взгляд в искрящиеся в бледном сиянии свечей флаконы, словно надеялась по внешнему виду определить наличие яда. Наконец сглотнула и нервно улыбнулась:

— Что ж, я выбираю розовый цвет... он мне кажется самым безобидным.

— Теперь моя очередь? — нетерпеливо осведомился граф, низко склонился над столом и, сощурившись, всмотрелся в разноцветные напитки. Вновь облизнув узкие бесцветные губы, он сипло сообщил: — Пожалуй, вот эта, голубенькая... или как называется этот цвет? Бирюзовый?

Я похолодел. Точно, мне достанется бокал с ядом! Пурпурный напиток явно отравлен, безо всякого сомнения! Меня охватило безумное желание схватить ненавистный флакон и опустошить очень простым способом: просто выплеснуть его содержимое, и лучше всего — в лоснящееся от удовольствия лицо Дона!

От подобного шага я удержался только благодаря Жаку, как раз в этот момент вернувшемуся к нам с нагруженным подносом. Пока он расставлял тарелки, которые источали запахи, способные соблазнить и аскета, я с тоской размышлял, что перед смертью хотя бы наемся до отвала.

Когда трактирщик вновь удалился, Дон откупорил бутылку, украшенную черно-золотой этикеткой с затейливой вязью букв, и разлил по пустым бокалам вино. Потом неторопливо плеснул каждому из выбранного флакона и передал «адресатам». Мы следили за магом с невыразимым вниманием, и если лицо графа пылало азартом и возбуждением, то, боюсь, моя способность изображать героя окончательно иссякла. На лбу Беллы выступили капельки пота, пальцы с аккуратными ноготками отчаянно мяти кружевной платок, губа была вновь закушена... И только Дон казался абсолютно равнодушным.

— Давайте перед началом трапезы опустошим первый бокал! — торжественно произнес маг, подняв собственный фужер.

Я с отвращением взглянул на свое окрасившееся в светло-пурпурный оттенок вино.

— Давайте, — моментально согласился граф.

Мы чокнулись, Макмандр выпил свою порцию чуть ли не залпом, Белла помедлила долю мгновения и все-таки сделала глоток... Кровь стучала у меня в висках, я тупо смотрел на свой бокал и не в силах был шевельнуться.

— Ну же, Стас, так не играют! — упрекнул меня Дон. Я метнул в его сторону злобный взгляд и сердито отпил из фужера. Горячий, буквально раскаленный напиток обжег язык и десна, я на миг зажмурился, уверенный, что из ушей вот-вот пойдём дым. Как ни странно, жаркая волна привела меня в чувство, я расслабился и уже без страха допил вино. Может быть, помимо яда это пойло содержало какое-то подобие наркотика?

«Сколько мне осталось жить? — рассеянно подумал я. — Несколько часов... Что я скажу на том свете? Чем буду оправдываться? Глупо жил, еще глупее умер... ничего полезного не совершил...»

— Вкусно, — первой нарушила молчание Белла. Порозовевшая, улыбающаяся, она явно тоже испытала на себе благотворное воздействие напитка. — Напоминает теплый вишневый сок.

— Теплый? — усмехнулся я. — На мой взгляд, жутко горячий. И ничего вишневого. Какая-то перцовая настойка, хотя по-своему неплохо.

Дон окинул меня насмешливым взглядом:

— У каждого свой вкус. Как вам, ваше сиятельство?

Граф с наслаждением причмокнул губами. Выглядел он откровенно довольным жизнью.

— М-м... Весьма недурственно, дорогой друг, весьма... Ледяной, с лимонным оттенком, освежающий... бодрит... Спасибо за чудесный вечер, старина! Ты знаешь толк в развлечениях!

— А я тебя завтра поблагодарю, — сквозь зубы процедил я. — Если проснусь.

Граф высокомерно посмотрел на меня:

— Маловато в вас азарта и пыла, юноша. Кто развлекается с такой постной миной?

— На себя посмотри, сиятельство! — я отбросил всяческую вежливость. Зачем она нужна, если жить осталось всего ничего? — С такой физиономией, как у тебя, можно детей

пугать ночами.

Граф явно опешил и не нашелся, что ответить. Белла укоризненно покачала головой:

— Вас зовут Стас, правильно? Зря вы так. Вежливость — особое искусство.

Я оскалился в недоброй улыбке. В эту минуту я ненавидал их всех: и втянувшего меня в авантюру Дона, и безумного аристократа, и даже эту прелестницу с тициановскими кудрями...

— Красотка, скажи, каким ветром тебя сюда занесло? — осведомился я и налил в свою миску горячего грибного супа. — Ты молода, хороша собой, говорят, умна, зачем тебе умирать?

— А тебе? — помолчав, осведомилась она и тоже принялась наполнять свою тарелку.

Я осекся и некоторое время хмуро разглядывал собеседницу, потом пожал плечами:

— Мне совершенно не хочется умирать! Но вон тот тип, — я кивнул в сторону Дона, — обладает колоссальным гипнотическим даром.

— Проще простого свалить всю вину на постороннего человека, — заметила девушка.

Я рассердился и отбросил ложку, та за звоном упала на пол.

— Но я говорю правду! — я так повысил голос, что все присутствующие в трактире удивленно обернулись. — Я не хотел участвовать в этой затее! Мне не оставили другого выхода!

— Выход есть всегда, — покачалась головой моя прелестная собеседница. — Просто иногда он очень ловко спрятан, но при желании отыскать можно.

Тяжело дыша, словно после длительной пробежки, я смотрел на девушку с бессильной злостью. Выход есть всегда! Хорошенький выход — согласиться на участь раба! Именно на такой исход намекал Дон...

В нашу беседу вмешался сам черный маг, о котором я успел в запале спора почти забыть:

— Не стоит ссориться, господа и дамы, — с улыбкой, вызвавшей в моей душе новую волну злости, заметил он. — Хотя ваше нервное напряжение вполне понятно. Думаю, ваше сиятельство, вы поймете вспышку Стаса и не станете держать на него зла.

Я покосился на графа. Тот вовсе не выглядел понимающим и готовым прощать, лицо его выражало крайнюю степень обиды. Похоже, я оказался первым, кто оскорбил его, во всяком случае — первым среди черни. Эта мысль позабавила меня и улучшила настроение. Я с жадностью набросился на суп, который успел подостыть, но менее вкусным от этого не стал. Острый, с крупными грибами и мелко крошенным вареным яйцом, он был густым и очень

СЫТНЫМ.

— Ешьте, сиятельство, быть может, эта ваша последняя трапеза, — ехидно заметил я, потянувшись за ломтем белого свежего хлеба.

Граф насупился, крылья его точеного носа задрожали.

— Кто ты такой, чтобы таким тоном и в такой манере разговаривать со мною, мальчик? — холодно осведомился он. — Ты испортил мне все удовольствие.

— Зато улучшил настроение себе, — усмехнулся я.

Остаток ужина прошел в гробовом молчании. Я наелся как никогда в жизни, и все время прислушивался к себе: не болит ли сердце, не затруднилось ли дыхание? В сон меня пока не клонило, но это, надо полагать, вопрос времени...

В конце концов, управившись с третьей порцией мороженого (от чего у меня заныли зубы), я ощутил, что не могу пошевелиться и готов умереть прямо тут, за столом. Дон, оставшийся верным привычке голодать, промокнул губы салфеткой и поднялся.

— Пора, — проговорил он, окинув взглядом разоренный нами стол. — Уже глубокая ночь...

Я не помнил, как добрался до постели. Я не собирался спать, не хотел поддаваться действию яда, но к тому моменту, когда оказался рядом с кроватью, силы окончательно покинули меня. Ничего не соображая, хотя пьяным отнюдь не был, я рухнул на мягкие простыни и, не раздеваясь, уснул. И даже не успел подумать, что вполне могу больше не проснуться...

* * *

Он напоминал ангела или, быть может, эльфа по версии Толкиена: высокий, стройный, белокожий и сероглазый, с аристократически-тонкими чертами лица и длинными светлыми волосами, гладко зачесанными назад и собранными в «хвост». Облачение «ангела» составлял коричневый балахон до колен, подпоясанный серым кушаком, просторные брюки и кожаные сапоги.

Мы сидели на траве, над нами простиралось застланное сероватой облачной пеленой небо, а вокруг — бескрайние луга... Дул промозглый ветер, я ежился от холода и с любопытством поглядывал на незнакомца.

— Кто ты? — наконец не выдержал я.

Мужчина усмехнулся, и улыбка сделала его красивое лицо еще привлекательнее.

— Некоторые меня зовут Алексом.

— О, это о тебе рассказывал Дон! — воодушевился я.

Алекс удивленно вскинул угольно-черные, несмотря на светлую шевелюру, брови:

— Дон?

— Черный маг, — пояснил я.

Человек, похожий на эльфа, нахмурился:

— Ты его ученик, не так ли?

— Да, — с вызовом ответил я и добавил: — Осуждаешь?

Алекс задумчиво пожал плечами:

— Не люблю осуждать. В конце концов, ты вполне вправе выбросить свою жизнь в мусорник.

— Это в каком смысле? — я недоуменно воззрился на белого мага. — Может, я не особо нравственный, но выбросить в мусорник — это чересчур!

Губы ангелоподобного мужчины тронула печальная улыбка:

— Увы, ты ошибаешься... остались считанные дни... ты таешь на глазах...

— Таю? — обеспокоенно переспросил я. — Я умираю? В том пузырьке был яд?

Алекс покачал головой:

— Я говорил о другом. Но во сне многого не скажешь. Если встретимся в жизни — спроси меня. И я объясню.

— Объясни сейчас! — взволнованно возразил я.

— Сейчас не могу. Время здесь быстротечно. Тебе пора...

Все вокруг подернулось дымкой, поляну заволокло цветным туманом... меня уносило прочь, я возвращался в тот мир, к которому привык... я просыпался...

Я проснулся сразу, мгновенно, словно мне в лицо плеснули ледяной водой. Тяжело дыша, я мутным взглядом обвел погруженную в утренний сумрак комнату, пытаюсь привести мысли в порядок и понять, что со мной произошло.

— Ну, и приснится же такое! — пробурчал я сиплым со сна голосом и сел на кровати. Шелковое одеяло цвета слоновой кости соскользнуло на пол, я ухватился за скользкий уголок и только тут окончательно восстановил в памяти минувший вечер. Я мгновенно

вспотел, хотя помещение за ночь сильно остыло — как, впрочем, и всегда. Конечно, в моем распоряжении имелся камин, который зажигался слугами каждый вечер, однако тепло его не могло сравниться с жаром привычных батарей центрального отопления... Но в ту минуту я не ощущал холода, напротив, мне сделалось невыносимо душно, словно воздух раскалился до температуры кипящего олова.

Если я жив, то кто умер? Неужели Белла?..

Поскольку уснул я вчера одетым, времени на утренние процедуры ушло гораздо меньше обычного: я только умылся ледяной водой из медного таза, пригладил сбившиеся в колтун волосы (на большее не было ни сил, ни желания) и торопливо натянул сапоги. В столовую я не вошел — буквально влетел и со всего маху плюхнулся на ближайший стул.

— Ты говорил, Белла поживет тут! — хрипло сказал я, окинув взволнованным взглядом столовую. Девушки здесь не оказалось, зато Дон, всегда поднимавшийся ни свет, ни заря, уже сидел на своем любимом стуле с высокой спинкой.

— Да, я так говорил, — лениво согласился Дон. Вокруг него сновали слуги, которых я опять стал замечать — наверное, повлияло признание мага о прошлом этих людей. Ведь и я вполне могу пополнить их ряды... Поежившись от такой мысли, я сердито воскликнул:

— Ну, и где твоя новая гостья?!

— А ты сам как думаешь? — усмехнулся Дон и поднял на меня свой бездонный взгляд, отнюдь не являвшийся зеркалом подвластной ему души: черно-зеленые глаза колдуна не открывали тайн своего властелина...

Тонкая девичья рука опустила на стол рядом со мной глубокую тарелку, доверху наполненную дымящимися ломтями сочного мяса, и я скривился от приступа тошноты. Мысль о еде вызывала сейчас только отвращение, и я грубовато потребовал:

Уберите это немедленно!

Служанка послушно и, как мне показалось, чуть испуганно отодвинула миску. Я всмотрелся в бледное лицо девушки, по-прежнему не выражавшее никаких чувств и эмоций. Способны ли рабы по-настоящему осознавать себя и окружающих? Хотелось бы получить ответ на этот вопрос, прежде чем... Я тряхнул головой и стиснул кулаки, не дав себе возможности окончательно оформить мысль. Нельзя об этом думать, нельзя! Я не стану слугой Дона, ни за что не стану!

Черный маг внимательно следил за мной.

— Ты сегодня не голоден? — осведомился он наконец, накалывая серебряной вилкой жареный гриб. Я мысленно досчитал до десяти: необходимо успокоиться, срывать зло на колдунах опасно для жизни и здоровья. В конце концов, я нашел в себе силы ответить с ледяным спокойствием:

— Совершенно не голоден. Так где же Белла?

— Спит, — лаконично обронил Дон. Я почувствовал такое облегчение, что на радостях готов был обнять постную служанку, наполнявшую мой бокал сухим красным вином. Голодным я по-прежнему себя не ощущал, но от вина отказываться не стал и сделал мощный глоток. Напиток обдал меня теплой кисловатой волной и взбодрил.

— Проснется она завтра, — добавил Дон меланхолично. — А вот граф не проснется никогда. Кстати, как думаешь сегодня развлекаться?

Я замер с бокалом в руке, не успев вновь поднести его к губам. Осторожно отставил в сторону и хмуро уставился на белую крахмальную скатерть. Макмандр не произвел на меня благоприятного впечатления, но все же при мысли о смерти этого человека я ощутил внутри странную пустоту. Игра со смертью... Было ли это игрой? Больше напоминает самоубийство, и тот факт, что мы с Беллой остались живы, не имеет никакого значения: мы виновны в той же мере, что и граф. Нам просто повезло...

Последний вопрос мага не сразу дошел до моего сознания, и Дон был вынужден повторить громче и настойчивее:

— Ну, так что? Как тебе хотелось бы развлечься этой ночью?

Но я был просто не в состоянии облачить произносимые Доном слова в понятные мне образы. Развлечься? Что значит — развлечься?

— Может быть, казнь одного беглого каторжанина? — любопытно спросил маг, с видимым удовольствием принимаясь за гренки. — Четвертование...

Я глухо спросил, не поднимая глаз от столешницы:

— А за что посадили этого каторжанина? В чем его вина?

— Кажется, недопустимые речи об императоре, — пожал плечами Дон и отхлебнул из кубка с вишневым соком. — Какая разница?

Я вскинул голову и, криво улыбнувшись, хрипло проговорил:

— Действительно, какая разница? А с чего ты взял, что я хочу смотреть на чью-то казнь? С чего ты взял, что мне интересно наблюдать за процессом умерщвления?

Дон внимательно посмотрел на меня. Я сумел выдержать его взгляд, хотя это было непросто.

— Раньше тебе не приходили в голову подобные вопросы, — заметил маг.

Я закусил губу. В памяти вставали одна за другой чудовищные картины последних дней.

Вернее — ночей... ночей, состоящих, увы, не только и не столько из веселых пьянок и страстных объятий с лучшими путанами, но и из смерти, крови, боли... Боли — не моей. И смерти тоже — не моей... Я оставался всего лишь наблюдателем... зрителем... Да как я мог спокойно смотреть на казнь и пытки, ведь я никогда не считал себя особенно жестоким?! Вспыльчивым, насмешливым, эгоистичным — да! Но не жестоким! Смерть графа словно отрезвила меня, я впервые столкнулся с гибелью человека, которого пускай и не знал, но с которым успел пообщаться, поговорить... Макмандр не был для меня безличным объектом подобно любому гладиатору на арене... Только теперь я окончательно осознал, что каждый умерший на моих глазах человек обладал способностью мыслить и чувствовать и, наверное, строил какие-то планы на будущее... А я, я тоже кричал охрипшим от эмоций голосом: «Убей!», когда один из рабов-гладиаторов одерживал победу над другим!.. Я тоже ощущал возбуждение от запаха смерти... Значит, и я — монстр? Значит, и я — убийца? По сравнению с этим все прегрешения предыдущих лет — просто миротворческая миссия! Но смогу ли я жить, постоянно сознавая тот неоспоримый факт, что стал палачом, что на моих собственных руках — несмываемые пятна крови?!

— Скажи... — наконец с трудом выдавил из себя я. В ту секунду я почти жаждал умереть — уснуть и не проснуться, забыться вечным сном без сновидений... — Скажи... Как выглядит Алекс?

Дон удивленно нахмурился:

— Алекс? Хм... а зачем тебе знать, как он выглядит?

— Быть может, он высокий блондин с длинными волосами? Очень красив, хотя красота его несколько слащавая? Ну? — я всмотрелся в лицо Дона.

Колдун помедлил, прежде чем ответить:

— Что ж... что ж... Алекс выглядит именно так, как ты описал... Каким образом ты узнал? — взгляд выразительных глаз мага заскользил по моему лицу, губы сжались в тонкую полосу.

— Я видел его во сне, — нехотя пояснил я. — Сегодня. Мне ведь приснился вещий сон, не так ли?

Дон хмыкнул и потянулся за своим бокалом. Неторопливо отпил, промокнул губы салфеткой и с интересом взглянул на меня. Нарушать молчание он не спешил, и я отчасти был этому рад. Я и сам не мог разобраться в своих мыслях и чувствах, и вовсе не ощущал в себе готовности исповедоваться перед черным магом. Вместо этого я последовал примеру сотрапезника и сделал глоток вина — аппетит так и не пробудился.

— Ты странный персонаж, Станислав, — вдруг заговорил Дон. Я с опаской посмотрел на него, ожидая продолжения. — В тебе слишком многое намешано. Мне казалось, я понимаю тебя и мотивы твоих поступков...

— Я давно уже ничего не понимаю, — вздохнул я. — С того самого момента, как познакомился с тобой.

— Ты сам пошел за мною. Я тебя предупреждал, — мягко заметил Дон. — Помнишь?

Я судорожно кивнул. Конечно, я помнил, и возразить тут просто нечем...

— Так что ты решил, Стас? — повысил голос маг. — Чем ты намерен заняться сегодня вечером?

Я сглотнул:

— Выспаться, если позволишь... нет сил никуда идти... — я помолчал и, решившись, добавил: — А еще прошу дать мне денек передышки и в остальном. Я хочу побродить по окрестностям и подумать.

— Думай, — кивнул Дон, не сводя с меня пронизательного взгляда. — Но помни, выбор прост: либо ты остаешься моим учеником, либо становишься рабом. А участь раба незавидна, поверь.

Я промолчал.

* * *

Я все-таки умудрился запихнуть в себя кусок хлеба с маслом и сыром, и опустошил несколько чашек очень крепкого чая без сахара (который привык подслащивать даже чрезмерно). Вино на голодный желудок вызвало легкое головокружение, и только по этой причине я заставил себя прожевать один-единственный бутерброд, а горьким чаем надеялся встряхнуть одурманенный тревогами разум. Помогло — я сумел достаточно вежливо поблагодарить Дона за завтрак и вторично испросить разрешения прогуляться за пределами замка.

— Иди, я ведь уже сказал, — раздраженно отозвался маг. — Не люблю повторять по сто раз.

Я молча поднялся к себе и подошел к зеркалу. В его глади отразился высокий мужчина крепкого телосложения с копной спутанных, чуть выющихся каштановых волос до середины шеи. Мужчина хмурился и смотрел исподлобья. Ну, неужели этот мрачный тип с недовольным лицом — я сам?

Мое облачение составляли измятая светлая сорочка, темно-фиолетовый жилет (сюртук я скинул еще вечером), черные и словно лаковые штаны-чулки, и поверх них — короткие, выше колен, «дутые» брючки в белую и пурпурную диагональные полосы. Лицо — припухшее, с отеками, глаза красные, как у вампира, а кожа приобрела сероватый оттенок... Что ж, кажется, еженощные увеселительные прогулки наложили на мою внешность свой отпечаток: мне нет и тридцати, а выгляжу на все сорок!

— Нужно что-то делать, — хмуро заявил я своему отражению. — Понимаешь? И срочно! Ты теперь похож на Макмандра!

Мое отражение, разумеется, ничего не ответило, только насупилось и покачало головой. Я состроил ему рожицу (оно повторило мою гримасу) и торопливо покинул комнату. Скорее наружу, глоток свежего воздуха мне просто необходим!

* * *

Небо отражало мое настроение: столь же унылое, безрадостного мглисто-серого оттенка... Пронизывающий ледяной ветер пробирал до костей, однако мне он принес облегчение: я словно окунулся в прохладную реку в разгар знойного лета.

Трехэтажный особняк Дона был выстроен на невысоком холме, за которым распростерлась маленькая деревенька — сейчас, в блеклом свете пасмурного дня, она производила довольно унылое впечатление. Я отыскивал каменистую тропку, с обеих сторон заросшую кустарником, и принялся торопливо спускаться. Любопытно, кем считают Дона жители этого селения? Своим сюзереном?

У изножья холма располагался внушительный валун, преграждавший путь к пыльной дороге, которой, наверное, часто пользовались всадники. Впрочем, преодолеть эту смехотворную преграду ничего не стоило, но я не стремился покидать замок Дона. Вернее, еще не решил, стоит ли поступить таким образом. Что я выиграю? Ровным счетом ничего... Буду прислуживать ему за столом.

Ощущая полнейшее бессилие, я опустился на валун и мрачно уставился на собственные колени. Я не знал, зачем решил прогуляться, не мог точно определить, о чем именно хотел поразмыслить, но твердо понимал одно: моя жизнь зашла в тупик, а я не люблю тупиков.

Донесся приглушенный дробный стук, я поднял голову и сощурился, всматриваясь вдаль. Поднимая густые клубы пыли, по дороге стремительным аллюром мчался серебристо-серый конь с белоснежной гривой. Подобных скакунов я не видел даже в кино, и поэтому, ошеломленный диковинным сверкающим окрасом, не сразу различил всадника. Из-под подков лошади летела мелкая галька, ветер усердно помогал взвивать облака пыли, и вскоре я, закашлявшись, закрыл лицо локтем. Выпрямившись минутой позднее, я обнаружил, что наездник уже спешился.

— Умница, Инесса, погуляй пока... — ласково похлопав лошадь по холке, шепнул всадник и отпустил животное. Потом обернулся ко мне: — Приветствую, юноша! Хороший денек, а?

Я изумленно и недоверчиво рассматривал его. Быть такого не может! Это ведь он, Алекс из моего сна! Так же высок, ладно скроен, такие же светлые длинные волосы, собранные в прическу «конский хвост»... тонкие черты лица, наверняка свидетельствующие об аристократическом происхождении... И даже одет схожим манером, разве что длинной бежевой накидки во сне не было!

Впрочем, Алекс (Алекс ли?) тут же устранил эту погрешность: сбросив плащ, он устроился прямо на земле и принялся разворачивать какой-то узелок.

— Составишь мне компанию? — пригласил незнакомец из сна, кивнув на свой сверток. Внутри оказалась провизия: половинка головки сыра, несколько внушительных ломтей ржаного хлеба, белая фляжка, подтаявшее масло в фольге, горсть сморщенных сушеных ягод... Вид этой довольно простой пищи пробудил у меня утраченный аппетит, и я быстро сказал:

— Да, пожалуй...

— Отлично, — улыбнулся парень. — Тогда присоединяйся!

Я послушался и вскоре с удовольствием поглощал скудный завтрак: сухой хлеб, смазанный солоноватым маслом, с пресным сыром и теплое кислое вино. На десерт были сладковатые сушеные ягоды, по вкусу немного напоминавшие изюм. Как ни странно, эта трапеза показалась мне едва ли не роскошнее самого изысканного обеда в особняке Дона.

— Ты путешественник? — принимаясь за второй самодельный бутерброд, решил приступить к расспросам я.

Мужчина кивнул:

— Да. Меня зовут Алекс.

— Алекс? — я отложил фляжку и с тревогой взглянул на странника. — А тебе не кажется... ммм... что уже мы встречались раньше?

Взгляд синевато-серых, прозрачных, как вода, глаз Алекса устремился на меня.

— Да, мы уже встречались, — мягко согласился белый маг. — Правда, не здесь. В другом мире.

— О... — растерялся я. — То есть... я тоже так думаю...

Я окончательно запутался и смущенно умолк. Алекс рассмеялся:

— Ну-ну. Проще нужно относиться к подобным явлениям. Тебе сейчас кажется, будто я тебе просто приснился, правда?

— Ну, в общем, да, — настороженно согласился я, не понимая, куда он клонит.

— Когда ты умрешь, вся минувшая жизнь покажется тебе просто сном, — заметил Алекс, продолжая слегка улыбаться. — А может быть, она просто сотрется за ненадобностью, и окажется, что и жил-то ты зря! Лишь единицы способны перейти из этого мира в мир теней без потерь и в полном сознании.

— Но... что это за мир теней такой? — внезапно севшим голосом спросил я. Дон мало распространялся на тему жизни после смерти, заявляя, что черному магу думать об этом смысла не имеет. — Почему кто-то забывает все, а кто-то — ничего?

Алекс поудобнее устроился на пыльной земле, нисколько не заботясь о сохранности своего дорожного наряда, и задумчиво ответил:

— По той же причине, почему лишь избранные запоминают настоящие сны...

— Настоящие? — нахмурился я.

Алекс пожал плечами:

— Ну, согласишься, то нагромождение несуразной чепухи, которое некоторые люди запоминают, нельзя назвать настоящим сном.

— Почему же? Я думаю, что все сны такие.

— Нет, — покачал головой Алекс. — Это всего лишь переработанная мозгом информация за день. Впечатления, обрывки воспоминаний, пережеванные эмоции... Изредка в эту массу вкрапливается отголосок настоящего сна, и вот такие грезы называют вещими.

— А почему большинству не снятся настоящие сны?

— Они им снятся, — мягко возразил маг. — Они всем снятся. Просто их не запоминают.

— Почему? — настойчиво повторил я.

Алекс вздохнул:

— Почему-почему... Потому что бедному разуму нужно что-то делать с таким колоссальным объемом постоянно поступающей информации! Сон — единственное время, когда человек позволяет рассудку разобраться в накопившемся мусоре!

Я пару минут обдумывал эти слова:

— Ну, а как же справляются с такой проблемой те избранные, о которых ты упоминал? — наконец осведомился я с некоторым ехидством.

— Они живут иначе, — туманно пояснил Алекс. — Информация, которую они получают, впечатления и эмоции, их разум не сваливает в одну кучу, а сразу раскладывает по полочкам.

— А мой, стало быть, сваливает? — обиделся я.

— А ты не согласен? — его взгляд задержался на моем лице, и я почему-то опять смутился. — Ведь ты, как и большинство людей, живешь по принципу некоей механической машины.

— Откуда ты можешь знать про машины, если в своем мире вы обходитесь свечками и лошадьми? — сердито перебил я. За последние несколько месяцев я привык считать себя особенным: как-никак ученик черного мага! А Алекс одним махом разрушил образ избранного.

— Если я сейчас живу здесь, это вовсе не значит, что я никогда не бываю в других мирах, — спокойно заметил Алекс. — Так вот, как привыкли жить люди? Они реагируют на внешние раздражители согласно кем-то заданным правилам. Как машины, которые выполняют заложенные в них задачи и ничего сверх того.

Я нахмурился, ощущая себя полнейшим идиотом. Из сказанного я мало что понял... Наверное, выражение моего лица красноречиво отобразило охватившие меня чувства, поскольку Алекс, принимаясь за последний бутерброд (уже третий по счету), снисходительно пояснил:

— Под внешними раздражителями я понимаю различные проблемы, с которыми вынужденно сталкивается каждый из нас. Мы расстраиваемся, когда принято расстраиваться, обижаемся — когда обижают, ну и так далее... Понимаешь?

— А что, нужно радоваться? — скептически осведомился я. — Ну и видок будет у человека, который последует твоим правилам!

— А ты попробуй, — посоветовал белый маг. — Попробуй реагировать нестандартно. Нестандартно хотя бы для себя. Поступай не так, как ты поступаешь всегда. Если ты привык кричать, когда на тебя повышают голос — попробуй в следующий раз рассмеяться. Обидчик удивится, особенно если он уже привык подпитываться энергией, бездумно расточаемой тобою при вспышках злости. Еще вариант — просто игнорировать раздражители. Но безразличие должно быть не только внешним, иначе ничего не получится. Самое важное — равнодушие внутреннее. Этот способ отлично обезоруживает противника, пускай противник бестелесен и абстрактен.

— И что, больше никаких секретов? — я попытался придать голосу насмешливую беззаботность. — Твои правила кажутся довольно простыми.

— Во-первых, они действительно простые, — кивнул Алекс. — Во-вторых, сначала попробуй, а потом комментируй. Ну, а в-третьих, это отнюдь не все. Проблема в том, что большинство людей неправильно относятся к прошлому, настоящему и будущему.

— Да ну? — я скривил губы в недоверчивой улыбке. — А как же правильно?

Разговор у нас получался странный, и чем-то напоминал утренние философские беседы с Доном. Правда, Дону я бы не рискнул перечить... его я просто слушал... И даже не так внимательно, как Алекса.

Белый маг казался совершенно безмятежным. Мне на мгновение захотелось вывести его из себя, задеть за живое, но почему-то я был уверен, что задачей это окажется трудновыполнимой. Алекс производил впечатление не менее хладнокровного и уравновешенного человека, чем Дон. А ведь они, по идее, представители противоборствующих лагерей!

— Ну а как люди думают о своем прошлом? В сотый раз прокручивают какой-то разговор, мысленно продолжая спорить либо же размышляя, что еще нужно было сказать этому наглецу! Мечтают повернуть время вспять и что-нибудь изменить... Ну и все в том же духе.

— Дон говорил мне, что это неправильная позиция, — с умным видом вставил я.

Алекс усмехнулся:

— Не сомневаюсь. Черные маги тоже не любят понапрасну расходовать свою энергию. Глупо думать о том, что уже произошло и изменению не подлежит. Гораздо разумнее смириться с этим и постараться извлечь пользу.

— Я часто слышал этот тезис, — заметил я раздраженно. — Но никто толком не может его разъяснить. Какая польза может быть от проблемы?

Алекс рассмеялся:

— Я обучаю этому искусству своих учеников годами, а ты хочешь узнать все за пару минут? Так не бывает! И потом, твоя память уже накопила слишком много негативного. Подобный груз мешает жить, создает комплексы, влияет на характер... Пока не избавишься от него, надеяться на истинную свободу нет смысла, — и, не дав мне заговорить, снисходительно добавил: — Предупреждаю твой вопрос. Чтобы избавиться от этого груза, нужно все вспомнить.

— Как это — все? — непонимающе переспросил я.

— А вот так! Это грубая схема, конечно, на самом деле необходимо отыскать в своем прошлом корни тех комплексов и внутренних противоречий, которые влияют на твои поступки, а значит, и на жизнь в целом!

— А, понятно, — протянул я. — Наши психологи работают именно в этом направлении.

— Не спорю, — пожал плечами маг. — Далее. Думая о будущем, стоит уделять внимание только тем целям, достичь которых ты стремишься. Переживания о возможных проблемах, необоснованные страхи — все это тянет из нас силы и не позволяет сосредоточиться на каких-то конкретных задачах, обдумать которые как раз не мешало бы.

— Я вижу, мы добрались до настоящего, — пробормотал я, пытаясь освоиться с идеей, что все и всегда делал неверно. — Как же необходимо думать о настоящем?

— О нем необходимо хотя бы иногда вспоминать. Часто ли мы задумываемся о том, что происходит здесь и сейчас? Отвечаю — редко. Очень редко. Вот и все нехитрые правила.

— Да уж нехитрые! — саркастически произнес я. — Я к концу дня свихнуть, если попробую жить по таким правилам!

— Я тебе и не предлагаю, — хмыкнул Алекс. — Ты не мой ученик, так что проблема твоего бессмертия должна волновать Дона, а не меня.

Я насторожился:

— В каком смысле — проблема моего бессмертия?

— Если человек до самой смерти ни разу ни на миг не сумел осознать самого себя, боюсь, жизнь ему не засчитывается, — сказал маг с затаенной грустью. Его взгляд устремился за горизонт, словно Алекс видел что-то, недоступное мне. — Если жизнь окажется пустой и бессмысленной, какой прок хранить ее вечно? А ведь без этой жизни не будет и тебя, так ведь? То, кем ты был до момента своего рождения, и то, каким ты ощущаешь себя в этот миг — личности разные, правда?

— То, каким я был до рождения? — недоверчиво повторил я. Алекс возвел глаза к небесам:

— О боги, чему только Дон тебя учил! В любом случае, согласишься, без воспоминаний

этой жизни ты не будешь самим собою.

— Пожалуй, — неуверенно протянул я и вдруг резко выпрямился. Внезапно я вспомнил свой разговор с Алексом во сне. Облизав пересохшие губы, я торопливо продолжил: — Слушай, а что мог подразумевать твой двойник в моем сновидении?

— Мой двойник? — удивился Алекс. — Это был вовсе не двойник, а я сам! Область снов вполне реальна, и ты бы согласился со мною, если бы позволил своему разуму сохранить хоть частицу воспоминаний о ночных прогулках!

— Ладно-ладно, — нетерпеливо отмахнулся я, не испытывая желания спорить. — Но что ты имел в виду? Будто я таю...

— Ты рвешь связь с бессмертием, — хмуро улыбнулся Алекс. — И знаешь, что от тебя тогда останется? Тело и эмоциональное облако, слабое подобие души. Ты будешь почти настоящим: так же реагировать, разговаривать, думать... Вот только души у тебя уже не будет.

Мне сделалось не по себе, я впервые за утро ощутил холод.

— Но... но это попросту бред! — хрипло воскликнул я. — Не верю ни единому слову!

— И не верь, — безразлично обронил Алекс и, поднявшись, принялся натягивать свой плащ. Я все еще сидел на валуне и потому смотрел на мага снизу вверх. — Ты для себя все решил, Стас. Прощай!

Я даже не стал спрашивать, откуда он узнал мое имя. Просто сидел на холодном камне, в каком-то одурманенном состоянии, и наблюдал, как Алекс, вновь оседлав своего изумительного скакуна, галопом мчится прочь, поднимая тучи песка...

* * *

Я не помнил, как снова очутился в замке, обратный путь в гору, явно непростой, полностью стерся из памяти, и в сознание я пришел уже в своей спальне. Удивленно оглядевшись по сторонам, я несколько минут неподвижно стоял посреди комнаты, напоминая некое изваяние, потом тяжело опустился на краешек кровати и уставился на собственные пальцы.

Значит, вот как, Дон!.. Ты украл мою душу, хотя и утверждал, будто она тебе без надобности...

А я-то, а я-то!.. Нашел, кому верить! Это Алекс обязан говорить правду, одну только правду, и ничего, кроме правды... А Дон вполне может солгать. С какой стати я ему поверил?! Почему не задался вопросом, каким чудом он умудрился прожить столько лет?! Он ведь сам вскользь упоминал, что гораздо старше, чем выглядит! А я не удосужился спросить, что он имеет в виду! А вдруг Дон живет за счет своих учеников? Хорошенькое дельце! Получается, я — его очередной донор? Как и бедняжка Белла...

Я лег набок и отвернулся лицом к стене. Настроение было столь отвратительным, что мне хотелось уснуть и больше не просыпаться — никогда раньше я не ощущал подобной внутренней пустоты...

Я лежал и тупо пялился в стену, а мысли витали вокруг рассказа Алекса и монологов Дона... Почему я так плохо слушал его? Впрочем, Алекс тоже хорош! Белый маг называется! Неужели не мог предложить мне помощь? Просто бросил на произвол судьбы! Поступил хуже Дона!

Я скрипнул зубами от досады. Много я отдал бы за возможность вернуться в свой мир и позабыть обо всем произошедшем. Вновь стать обыкновенным парнем, которого заботят лишь немногочисленные радости жизни...

Когда часы громким перезвоном возвестили о наступлении семи вечера, я заставил себя подняться с постели. Обычно я ужинал поздно ночью в очередной реальности, но сегодня не имел намерения покидать замок. Может быть, стоит перекусить? Я прислушался к себе. Легкий завтрак в компании Алекса успел забыться, и я начал испытывать голод, но мысль о жирных сытных блюдах вызывала тошноту. С гораздо большим удовольствием я бы пообедал черным хлебом с сухим сыром и запил молоком. Но на столе Дона хлеб всегда свежий и пышный, а сыры таят во рту...

Продолжая хмуриться, я спустился на первый этаж по скрипучей деревянной лестнице и вошел в столовую. Остановившись на пороге, приготовился отвечать на скользкие вопросы Дона, однако, обежав беглым взглядом комнату, с огромным облегчением убедился, что моего мучителя пока нет. А секундой позже ощутил новую волну радости: за длинным столом, уже заставленным разнообразными блюдами, сидела ученица черного мага. Бледная ото сна (наверняка не успела еще нанести привычный грим), с встрепанной кудрявой копной, девушка зябко куталась в черный с золотом пеньюар и поминутно зевала, прикрывая очаровательный ротик ладошкой. Вскинув голову на звук шагов, ведьмочка улыбнулась и весело произнесла:

— Ну, наконец-то хоть кто-то! А то я уж подумала, придется ужинать в одиночестве...

— А Дон где? — осведомился я, устраиваясь напротив. Белла пожала плечами:

— Понятия не имею... И, честно говоря, рада его отсутствию, — прибавила она тихонько. В ее голосе мне почудилась некая прохладная нотка.

— А что так? — как можно небрежнее обронил я, принимаясь за тушеные овощи.

Девушка помолчала, прежде чем ответить:

— Я не знаю, что ему говорить... Мне... мне противно. И он противен, и я сама себе — тоже.

Я, испытав невольное удовлетворение, признался с кривой усмешкой:

— Хорошо тебя хорошо понимаю! Целый день сегодня потратил на попытку осмыслить произошедшее.

Белла зябко поежилась и, отвернувшись, сухо проговорила:

— Да, я уже знаю, что граф умер...

— Правда? Дон успел рассказать?..

Уголки пухлых бледно-розовых губ чуть дрогнули. Белла слегка повернула голову и искоса взглянула на меня.

— Нет, Дон тут ни при чем... Я выяснила у слуг, — вкрадчиво пояснила она. — Спросила, где ты находишься. Честно говоря, больше всего я боялась...

Запнувшись, девушка порозовела и оборвала себя на полуслове. Избегая моего взгляда, она сделала торопливый глоток вина и, судорожно закашлявшись, вынула кружевной измятый платочек и спрятала в нем лицо. Я смотрел на нее с восхищением и нежностью, боясь поверить мелькнувшей мысли: неужели Белла больше всего боялась узнать, что погиб именно Я? Неужели я сумел произвести на нее благоприятное впечатление?.. Впрочем — почему бы и нет? Я отнюдь не урод, да и вообще, принадлежу совсем иной эпохе и, наверное, представляюсь ей почти инопланетянином.

— Я ужасно выгляжу, — вдруг сообщила ученица Дона с легким смущением. Эти слова настолько не соответствовали действительности, что я не удержался от смешка. Мне-то она как раз больше понравилась такой, как сейчас: по-утреннему встрепанной, мягкой и совсем юной...

— Ерунда! — убежденно заявил я.

Белла улыбнулась, на щеках выступил легкий румянец, а зеленые глаза сверкнули озорством. Я в свою очередь отпил из собственного бокала и осторожно спросил:

— А каким чудом тебя занесло к Дону? Как ты умудрилась стать колдуньей?

Белла насупилась и исподлобья взглянула на меня:

— Ты действительно хочешь знать? — поймав мой утвердительный кивок, недовольно заметила: — Но тогда и тебе придется поведать мне свою историю...

— Разумеется! — с жаром пообещал я, весь обратившись в слух.

Девушка, закусив губу, около минуты смотрела в одну точку на столе, будто надеялась отыскать свою историю в виде вышивки на узорчатой скатерти. Потом тряхнула головой, словно собравшись с силами; густая масса красно-золотых кудрей разметалась по ее лицу. Миндалевидные глаза колдуньи вспыхнули решимостью, голос зазвучал спокойно и

уверенно, взгляд же оставался расфокусированным:

— В мире, где я родилась и прожила двадцать три года, огромная власть принадлежит Инквизиции. Думаю, ты знаешь, что представляет собою эта... организация, — я кивнул, однако Белла и не подумала взглянуть в мою сторону и монотонно продолжала речь. Чувствовалось, что вспоминать те далекие события девушке не очень приятно. Я уже почти пожалел о своей просьбе, и только острое желание узнать немного больше о начинающей колдунье помешало мне сжалиться и прервать ее. — Там, где я жила, опасно заниматься наукой, еще опаснее — философией, потому что философы нередко попадают на костер как еретики. А уж если ты вдобавок женщина... притом — красивая женщина... и безрассудно относящаяся к предупреждениям родственников... не скрывающая своих увлечений... тогда аутодафе почти неизбежно. Спасти может только чудо, и, впрочем, оно-то меня и спасло.

Тут Белла слегка улыбнулась и впервые взглянула на меня. Улыбка получилась немного печальной, но даже она придала бледному лицу девушки дополнительное очарование.

— Я вела безбедную вольную жизнь, — призналась рыжеволосая колдунья после минутной паузы, в течение которой мы с особенным пониманием смотрели друг другу в глаза. Теперь же Белла вновь уткнулась взглядом в вышитую скатерть на столе. — Совсем девчонкой, пятнадцати лет, меня выдали замуж за состоятельного престарелого графа. Родители стремились таким образом убить двух зайцев: во-первых, он был выгодной партией, а во-вторых... во-вторых, они лелеяли надежду, будто я смогу остепениться, обзавестись детьми...

— И как? — внезапно севшим голосом спросил я. — Что-нибудь сбылось?

Она вновь подняла голову и улыбнулась уже веселее. Я, не выдержав, улыбнулся ей в ответ, хотя настроение к этому не располагало.

— Полагаешь, я могла остепениться? — с иронической усмешкой осведомилась девушка. — О детях я боялась и помыслить, и потому ночами сбегала от мужа. К тому же, близость с ним меня в восторг не привела. Я все представляла как-то иначе... Несколькими годами позднее я убедилась, что можно получать удовольствие от любовной игры, более того — существуют специальные средства, позволяющие забыть о детях до того момента, когда по-настоящему решишься стать матерью. В моем мире ничего такого нет...

Я насупился, слышать о ее любовном прошлом мне было почему-то неприятно. Белла, не замечая моей гримасы, хладнокровно продолжала:

— Муж пробовал меня запирать в спальне, но я выбиралась через балкон, спускаясь по лозе винограда. И это, учти, с третьего этажа! Обожала встречать рассвет где-нибудь на лоне природы... Любила верховую езду... Ничего в таком духе мой муж понять не мог, конечно...

В ее голосе прозвучало угрюмое сожаление, губы презрительно искривились... Вздохнув, Белла секунду молчала, раздумывая над своим повествованием, потом, хмурясь, возобновила рассказ:

— А еще его раздражали мои странные и подозрительные увлечения. Леди из моего круга свободное время коротали за чаепитием, сплетнями, вышивкой, чтением любовных романов и мемуаров... Следили за горничными, устраивали приемы... Я всегда ненавидела вышивать, приемы наводили на меня скуку, я могла выдержать разве что танцевальную часть, а читать предпочитала запретных авторов. Думаешь, они писали что-то откровенное, например, эротику? Ничего подобного! Просто идеи этих книг казались Инквизиции... скажем так, неблагонадежными. Все, что отступало от канонов веры, запрещалось. А мой супруг был страстным приверженцем правил и законов. Наверное, потому и сдал меня Инквизиции.

Я выронил бокал, пролив на себя все его содержимое, и теперь источал густой винный аромат. Впрочем, в то мгновение меня это мало заботило. Я изумленно и недоверчиво уставился на Беллу, с горечью встретившую мой взгляд.

— Тебя сдал твой собственный муж?! — хрипло уточнил я. Девушка кивнула, и я с негодованием воскликнул: — По-моему, именно таких следует сжигать на кострах!

Ведьмочка одобрительно хмыкнула и потянулась за ванильным печеньем. Пока она утоляла голод, я невидящим взглядом смотрел в одну точку, пытаясь осмыслить услышанное. Белла как будто моложе меня — наверное, что-то около двадцати пяти лет... но пережила, пожалуй, больше...

— Так или иначе, но меня поместили в специальную камеру с хорошим содержанием, — наконец заговорила девушка, и я, вздрогнув, вновь посмотрел на нее. — Я ведь из приличной семьи, так что мои родители постарались позаботиться обо мне. А моего мужа понять можно. Он просто трус. Наверняка опасался, что о моих увлечениях донесет кто-то другой, и тогда на костер пойдем мы оба.

— Тоже мне оправдание! — фыркнул я.

Белла пожала плечами:

— Согласна с тобой, но факт остается фактом. В конце концов, не все обладают смелостью. В общем, хотя камера и считалась хорошей, но для меня, привыкшей к избыточной роскоши и вседозволенности, наступили воистину кошмарные денечки. Во-первых, невозможность покинуть эти несчастные пять квадратных метров пространства. Во-вторых, скудная пища. Беднякам она могла показаться вкусной, но я-то всегда питалась нежнейшим мясом, искусно приготовленной рыбой, лучшими сортами сыра и хлеба, свежими овощами и фруктами, сладостями из самых разных уголков планеты... Так что ограниченное меню меня мучило: картофельное пюре, какая-то пресная каша, черствый хлеб, жесткое мясо, приторные конфеты... Также меня угнетала невозможность поухаживать за собой. Холодная вода и мыло — вот и все, чем снабжали меня. А я не могла вообразить жизнь без лавандовой воды, душистой мыльной пены, румян, пудры и прочего... Но больше всего я страдала, конечно, из-за постоянных допросов.

Она вновь умолкла, на этот раз надолго, и на скулах у нее заиграли желваки. Казалось, Белла вспоминает что-то воистину ужасное, и у меня по коже невольно забегали мурашки. В памяти заскользили обрывочные сведения о жуткой книге «Молот ведьм». Неужели к этой нежной женщине применяли подобные меры? Как, в таком случае, она сумела сохранить свое очарование?

— Вначале они просто спрашивали, — голос девушки зазвучал напряженнее, глаза сузились. — Родители наняли для меня одного советчика... ты назвал бы его адвокатом... Но от его советов проку оказалось мало. Добился он только того, что Инквизиция сочла возможным применить ко мне более жесткие методы допроса, основанные, как ты наверняка понимаешь, на пытках. Для начала меня остригли чуть ли не налысо и перевели в камеру поменьше и победнее. Там уже содержалось немало страдалиц. Когда я их увидела... когда я поняла, что меня ожидает... Бедняжки не походили не только на женщин, но и на людей!

Я весь покрылся липким потом. В какое славное время я жил! Как, должно быть, ужасно, если запрещено по-настоящему думать, размышлять, искать...

— К счастью, до пыток дело не дошло. Дон появился как раз вовремя, чтобы я избежала всего этого кошмара. Он пришел ночью в своем черном плаще и предложил бежать. Не только мне — он спросил всех, кто находился тогда в камере. Решилась лишь я, хотя нас было шестеро.

— Но почему только ты?! — недоуменно поинтересовался я.

Белла посмотрела на меня чуть ли не с жалостью:

— Эти женщины были истово верующими. Тот факт, что они стали жертвами Инквизиции, веры их не умалило. Ты меня не поймешь... у тебя совсем иное воспитание. И потом, после всего пережитого они уже не в силах были бороться за себя. Им стала безразлична собственная судьба. Это я еще была полна сил и энергии. А теперь вообрази! Глубокой ночью приходит некто в черном одеянии, сам похож на пришельца с луны... каким-то чудом миновал стражу... Он казался посланником ада!

— И был им в каком-то смысле, — с нервной усмешкой вставил я.

Белла нахмурилась:

— В тот момент меня это мало волновало. Я пошла с ним. С тех пор я — его ученица. Уже полтора года. Полгода ушло на восстановление моего психического здоровья — физическому вреду нанести толком не успели.

— Беседуете? — раздался над нами чуть насмешливый голос Дона. Я вздрогнул и поднял взгляд. Черный маг стоял в нескольких шагах от меня и улыбался улыбкой Джоконды: — Что вы, что вы, я не собирался вас прерывать. Просто проголодался.

Он устроился возле Беллы. Девушка покосилась в его сторону, торопливо поднялась и, пробормотав какое-то извинение, бросилась вон из комнаты. Я хотел было последовать за нею, хотя к пище почти не притронулся, однако Дон властным жестом остановил меня:

— Подожди! Прежде чем уйти, ответь на мой вопрос.

Я устремил на мага недовольный взгляд. Как я, трезвый и рациональный человек, умудрился связаться с этим типом?!

— К какому решению ты пришел?

Я стиснул кулаки:

— К какому? Ты ведь не отпустишь меня, разве нет?

— Не отпущу, — легко согласился маг. — Варианты ты знаешь.

— Тогда зачем задаешь дурацкие вопросы?! — обозлился я, сердито отбросил салфетку и, поднявшись, сверху вниз с ненавистью посмотрел на него: — Ты знаешь, что ни у меня, ни у Беллы выбора нет.

— Выбор есть, — мягко возразил Дон. — И ты его знаешь.

Выругавшись сквозь зубы, я опрометью выбежал из столовой. Еще секунда — и я метнул бы в него сахарницей...

* * *

Прошло несколько недель.

Все это время и я, и Белла отказывались от ставших привычными вечерних путешествий, предпочитая оставаться в замке. Дон относился к данному обстоятельству как будто равнодушно — во всяком случае, внешне. Слушать же его лекции все равно приходилось, хотя в компании юной ведьмы выдержать эти нудные монологи оказалось легче. Впрочем, теперь я прислушивался к рассказам мага внимательнее, и вскоре обнаружил, что не так уж скучны его повествования. В них вполне можно было отыскать рациональное зерно...

Свободное время я с проводил с Беллой, и первые дни наши отношения не выходили за рамки дружеских. Мы просто беседовали, многократно пересказывая свое прошлое, обсуждая теории Дона, пытаясь отыскать лазейку, которая позволила бы вырваться из его капкана...

Конечно, я мечтал о большем, чем просто дружба, но меня останавливала одна мысль: каким по счету любовником я окажусь? Сотым? И если так, будет ли ночь со мной иметь для Беллы хоть какое-то значение? Именно поэтому я не предпринимал никаких шагов, так что инициатива исходила от юной ведьмочки. И атака оказалась настолько внезапной и впечатляющей, что я не имел шансов на победу.

На четвертый вечер Белла просто вошла ко мне в спальню в таком обескураживающем виде, что я потерял дар речи. Ее роскошное тело обволакивало абсолютно прозрачное одеяние малахитового оттенка — и больше ничего... Волосы были взбиты в пышные локоны, на лице выделялись одни только губы: подведенные чем-то сочно-алым, они пламенели на фоне сахарной кожи как огонек свечи... Девушка затворила за собою дверь, замерла на пороге и окинула меня насмешливым оценивающим взглядом. Я молча смотрел на нее, не в силах подыскать подходящие моменту слова.

— Ты меня боишься? — наконец с легкой иронией осведомилась она. Я облизал пересохшие губы и хрипло выдавил:

— Нет... нет, нисколько...

Белла улыбнулась с пугающей дерзостью и вдруг, бесшумной гибкой тенью скользнув ко мне, обвила руки вокруг моей шеи, прильнула гладким, мягким телом... Я онемел, потерял контроль над мыслями и сознанием, кажется, в ту минуту у меня оставалась лишь одна способность: чувствовать, осязать...

— Ты боишься, — жарко шепнули губы колдуньи мне на ухо. — Ты боишься оказаться одним из, правда?

— Правда... — с трудом вымолвил я, не узнав собственный голос.

Белла провела пальцем по моей щеке и нежно проворковала:

— Ты не прав. Ты будешь первым — первым, которого я люблю. Поверь, никого раньше я не любила. Они были просто любовниками.

Мог ли я отказаться? Мог ли я не поверить?

* * *

Мы пытались скрыть от Дона свой бурно развивающийся роман, но то ли наши актерские способности оказались посредственными, то ли черный маг в который раз проявил необыкновенную проницательность — в любом случае, он догадался обо всем буквально сразу. Его ехидные высказывания заставляли меня хмуриться, а Беллу краснеть.

— Ночь любви прекрасна и дарует необыкновенные воспоминания, — обронил он на следующее же утро, когда мы с Беллой спустились к завтраку и чинно поздоровались с магом. Я вошел первым, а моя новая возлюбленная — пятью минутами позднее. Раскрасневшись и ни на кого не глядя, она пожелала нам доброго утра и устроилась по возможности далеко и от меня, и от Дона.

— Любовь чувство воистину замечательное, — продолжал колдун с легкой беззаботной улыбкой, поднимая свой бокал с сухим красным вином и словно провозглашая тост.

Я насупился и, придвинув к себе полную салатницу, недовольно согласился:

— Замечательное, кто ж спорит...

А в памяти воскресали картины минувшей ночи. Я принялся внимательно изучать расшитую серебряными нитками скатерть, опасаясь встречаться взглядом с Доном. Мне очень хотелось посмотреть на Беллу, но я упрямо не поднимал головы — мне и без того было душно в довольно прохладное утро, а улыбка моей очаровательной ведьмочки наверняка и вовсе привела бы кровь в состояние кипения. Моя ведьмочка... моя... с каких пор я стал считать ее своею?

— Быть может, ты позволишь служанке наложить тебе салат в тарелку? — с ухмылкой предложил Дон. — Не стоит жадничать...

Я только сейчас обратил внимание, что поглощаю овощное ассорти прямо из салатницы. До этого я даже не замечал вкуса пищи, хотя есть хотелось зверски — ночью я израсходовал немало энергии...

— А тебе что, жалко? — вызывающе осведомился я с набитым ртом.

Дон пожал плечами:

— Просто существуют правила приличия, знаешь ли...

Я тихо выругался и сердито вывалил на свою тарелку чуть ли не половину содержимого салатницы. Часть нарезанных полукружьями помидор упала на светлую скатерть, оставив на ней майонезные пятна.

— Я ведь говорил — позволь с обслуживанием управляться тем, кто для этого предназначен, — лениво заметил черный маг, с насмешливым интересом наблюдая за моими действиями.

Я побагровел от злости, смешанной со смущением, и отрезал:

— Не хочу, чтобы слуги приближались ко мне!

— Отчего же? — мягко спросил Дон.

Я скрипнул зубами. Вот взять бы эту салатницу и вывалить овощную смесь, пропитанную жирным соусом, ему на колени, а лучше на голову!

— Неважно, — буркнул я раздраженно и принялся торопливо запихивать в себя салат. Некоторое время царило напряженное молчание, нарушаемое лишь звоном столовых приборов. Я рискнул искоса взглянуть на Беллу. Девушка сидела очень прямо и старательно разрезала серебряным ножом румяную отбивную. Если бы не излишне ровная осанка (казалось, бедняжка проглотила кол) и не чрезмерная сосредоточенность на процессе поглощения пищи, можно было бы поверить, будто Беллу волнует только завтрак.

— Ты отличный источник энергии, — вдруг сказал Дон. Я вздрогнул и недоуменно посмотрел на него. Колдун чуть улыбался: — Да, да. Именно ты. Тобою так легко управлять...

— Ничего подобного! — вспыхнул я.

— Полагаешь? — усомнился Дон. Тонкие губы мага чуть улыбались, при этом взгляд черных бездонных глаз оставался холодным и равнодушным. — Почему же ты только что воспламенился подобно сухой соломе? Выброс энергии при этом произошел колоссальный. Энергия низкопробная, конечно, но черные маги умеют подпитываться и такой...

— Но ты ведь сознательно выводишь меня! — рассердился я, откинув вилку. Та со звоном упала на пол, однако я не спешил поднимать ее. Я весь кипел от злости. — Ты специально изводишь меня!

— А зачем ты реагируешь на мои сознательные и специальные попытки тебя вывести? — невозмутимо осведомился Дон. Я впился в него пылающим от бессильной ярости взглядом, с трудом справляясь с безрассудным желанием дать выход гневу.

— Как же мне еще себя вести? — прошипел я, наконец. — Я ведь живой человек, в конце концов!

Колдун разглядывал меня с каким-то исследовательским интересом.

— Человек? Человеком может называться тот, кто научился обуздывать свои эмоции.

— Как, любопытно узнать? — язвительно поинтересовался я.

Дон пожал плечами:

— Для начала хотя бы задумываться, что именно побуждает тебя реагировать на чьи-либо слова и поступки строго определенным образом. Ведь ты можешь просто проигнорировать потенциального обидчика! Почему мнение того или иного человека для тебя столь авторитетно, что ты позволяешь ему добиться цели и пробить твою защиту?

Я не нашелся, чем возразить, но тут вмешалась Белла.

— Ну, а что поделать, если ты все-таки позволил пробить свою защиту? — голос девушки звучал ниже обычного. — Как поступить в этом случае?

Маг перевел взгляд на нее.

— Тогда лучше всего направить эмоцию в положительное русло.

— Я уже второй раз за последнее время слышу об этом! — раздраженно заявил я. — Но как, скажи на милость, этого добиться?

Маг вздохнул:

— Как мало воображения! Ну, вот например, страх — чувство неприятное. Но страх обжечься вырабатывает в нас осторожность при обращении с огнем.

— Ловко придумано, — признал я, отодвигая свою тарелку. Наевшись до отвала салата, я был не в состоянии думать о других блюдах. — А, например, злость? Раздражение? Гнев?

— Гнев порою может совершить чудо, — помолчав, задумчиво протянул Дон. — Рассердившись, человек иногда совершает поступок, на который в спокойном состоянии не был способен. Гнев заглушает страх.

— Ты имеешь в виду, что разозлившись, можно обидчика и убить? — злорадно уточнил я.

Маг удрученно покачал головой и возвел глаза к потолку.

— Ну, я ведь говорю — убогое воображение! Почему сразу убить? Праведный гнев вполне может заставить человека совершить подвиг.

— А если возможности проявить себя как герой нет? — ехидно спросил я, желая отыскать какую-нибудь лазейку в безупречной структуре его логики. — Что тогда делать со своей злостью?

— Тогда, чем заглушать ее в себе и тем самым рисковать заработать нервное расстройство, куда лучше отдаться всецело этому чувству, выплеснуть его, но так, чтобы не пожалеть впоследствии. Можно, скажем, побить посуду или запустить вазой в стену...

Я хмыкнул, вообразив, как опрокидываю наш обеденный стол, а потом на недоуменный вопрос Дона с улыбкой отвечаю: «Да просто злость одолела, решил выплеснуть...» Подавив смешок, я уже спокойнее проговорил:

— Ладно-ладно, переубедил. Буду стараться следовать твоим заветам. Только вот вопросик один: а зачем все это магу черной масти? Я похожие сентенции слышал от Алекса, но ему дорога в праведники, а мы с тобой при чем?

— Ну, если желаешь, чтобы твоей энергией пользовались все без разбора... — протянул Дон. — Но где тогда взять силы для того, что обыкновенные люди называют чудесами? Для тех же путешествий по реальностям? Если ты всю энергию потратил на создание собственного пьедестала, не огорчайся, что не умеешь проходить сквозь стены.

— Никакого пьедестала я себе не делал! — грозно отрубил я.

Дон коротко рассмеялся:

— Никогда не встречал людей без пьедестала! Вернее — встречал, но крайне редко. Этих

людей вообще невозможно вывести из равновесия. Им безразлично мнение окружающих хотя бы потому, что сами они никакого мнения о себе не составляют.

— Ладно, я — законченный эгоист, не спорю, — энергично кивнул я и уловил краем глаза усмешку Беллы. — Но среди моих знакомых были и очень закомплексованные особи! У таких мнение о себе жутчайшее. У них, получается, не пьедестал, а погребальная яма?

Дона моя аналогия явно позабавила — он заулыбался уже по-настоящему.

— Что ж, в каком смысле — да. Но эта пресловутая яма так же пагубна. Человек должен стоять на ровной земле, так что для поддержания пьедестала со знаком плюс или минус требуется затрачивать огромное количество энергии. Право слово, эту энергию можно было бы использовать куда разумнее. Да хотя бы на долголетие, что ли! Чем не причина научиться владеть собою?

— Но... — я растерялся. — Что-то я вообще не пойму, в чем тогда разница между тобой и Алексом! У вас все теории сходятся!

Взгляд Дона остановился на моем лице, и я почему-то покраснел.

— А вот когда ты поймешь это... — тихо произнес колдун. — Тогда я скажу, что ты перешел на новый этап обучения магии.

— И я тоже? — обескуражено спросила Белла.

Дон склонил голову в знак согласия, а мы с девушкой обменялись озадаченными взглядами.

* * *

Несколько недель мы с Доном почти не разговаривали — если, конечно, не считать разговорами его утренние лекции, совмещенные с прогулками по саду.

А вот ночи принадлежали всецело нам с Беллой. Только после заката мы решались дать волю безудержной страсти, и эта страсть, в течение дня подогреваемая вынужденной сдержанностью чувств, взрывалась с такой неистовостью, что могла бы, пожалуй, своим напором сокрушить на собственном пути любое препятствие.

Вечерние часы я тоже скрашивал обществом Беллы — правда, опасаясь реакции Дона, мы все-таки старались держаться на расстоянии полуметра друг от друга, и ограничивались беседами. Как ни странно, подобное времяпровождение нисколько не утомляло меня. Я впервые встретил действительно умную женщину, обладающую богатым внутренним миром и увлекательным прошлым. Раньше я оценивал женский пол только по степени привлекательности, а разговор с девушкой более пяти минутой считал едва ли не пыткой. Теперь же удивлением отмечал, что помимо чисто физической тяги меня влечет к Белле как к человеку, и, исчезни рыжеволосая колдунья из моей жизни, мне станет не хватать не только и не столько безумия наших ночей, но и удивительной внутренней гармонии,

которую я постоянно ощущал в присутствии ведьмочки.

А потом... потом Белла подхватила странную болезнь, выражавшуюся в быстрой утомляемости, слабости и вялости, которые с каждым днем делались все глубже и острее. Я передумал обо всем, однако ни один из диагнозов не подходил в полной мере под эти симптомы. В конце концов, когда на четвертый день после возникновения недуга Белла просто не смогла подняться с постели, я в отчаянии бросился в столовую, но не с целью поесть, а желая отыскать Дона.

Он действительно был там и уже начал завтракать. Когда я кубарем вкатился в столовую, маг поднял взгляд и лениво поздоровался:

— Доброе утро! Присоединишься?

Запыхавшись от стремительного бега по лестнице, я не сразу вник в суть его вопроса. Наконец, немного отдышавшись, я нервно помотал головой и торопливо произнес:

— Нет-нет, я просто хочу спросить... ты не мог не заметить... С Беллой творится что-то непонятное...

Он улыбнулся и мягко возразил:

— Ты прав лишь наполовину. Творится — да. Но вовсе не «непонятное».

— Но... — я осекся и изумленно уставился на него, не понимая причины его веселья. — Что же с ней такое?

— Об этом следует спрашивать тебя, — почти ласково заметил маг. — Да ты садись, садись!

Я плюхнулся на ближайший стул, не сводя растерянного взгляда с Дона. В горле словно застрял горячий комок, мешая выразить свои чувства посредством слов, однако маг пришел мне на помощь и сам продолжил:

— Ты выиграл эту битву, только и всего.

— Какую битву? — не понял я.

Дон вздохнул и сухо пояснил:

— Битву магов, разумеется. То есть — учеников мага.

— Но... — от удивления и страха я не мог собраться с мыслями. — Но я не участвовал ни в какой битве!

— Ошибаешься, — не согласился колдун и, подцепив трезубой вилкой ломтик сыра, внимательно рассмотрел его на сочившийся в витражные окна свет. Потом с легкой улыбкой

обратился ко мне: — Сочный сыр, не правда ли? Попробуй, сегодня он особенно хорош...

Я с грохотом отодвинул от себя блюдо с нарезкой и сердито спросил:

— Да при чем здесь сыр?! Что с Беллой?!

Дон не спешил с ответом. Нарочито неторопливо съел самолично сделанный бутербродик и тут же принялся намазывать маслом второй кусок хлеба. Я следил за магом с нетерпением, которое грозило вот-вот перерасти в неконтролируемое бешенство. Он издевается, честное слово!

— Белла отдает тебе свою жизнь, разве неясно? — тон мага оставался столь безмятежным, словно речь шла о плохой погоде.

— Я не просил ее отдавать мне свою жизнь! — взорвался я, окончательно выведенный из себя спокойной интонацией его голоса. — Мне и своей хватает!

— Не хватает, — покачал головой маг, надкусывая второй бутерброд. — Ты ведь учишься магии, тебе нужно больше энергии. А где ее взять? Я каждое утро рассказывал и тебе, и твоей подруге о том, как можно обойти битву магов, но разве вы меня слушали? Ты сейчас пылаешь от злости, а я сколько раз повторял о пагубности таких эмоций!

— У меня есть причина для злости, — вскипел я.

Дон пожал плечами:

— А у тебя всегда находится причина. Как будто ты хоть раз честно признал, что причины для раздражения нет, и ты просто любишь биться в истерике.

— Я люблю биться в истерике?! — я вскочил на ноги и заорал так громко, что, по идее, хрустальные бокалы должны были лопнуть. Никогда в жизни я не испытывал подобной ярости. — Я никогда не бился в истерике!

— А сейчас ты что делаешь? — деловито осведомился Дон. Мои крики на него абсолютно не подействовали. — Уймись и слушай дальше. Итак, я дал и тебе, и Белле возможность обойти битву магов. Вы ею не воспользовались. Но ведь ты каждый вечер путешествовал по реальностям и мирам, ты учился у меня, откуда тебе взять энергию? Не думаешь ли ты, будто я поделюсь своей?

— Чтоб ты чем-то делился! — зло буркнул я, снова усаживаясь напротив. Меня все еще переполнял гнев, но я уже мог говорить, почти не повышая голоса.

— Ну, а раз так, у тебя было два выхода: либо исчерпать все свои внутренние ресурсы и погибнуть самому, либо, подобно энергетическому вампиру, выпить чужую жизнь. И так как я в роли донора выступать не желаю, на помощь пришла Белла. Ваш роман сыграл в этом случае положительную роль. Белла отдала тебе свою жизнь добровольно, тебе не пришлось прилагать ни малейших усилий. Теперь тебе придется искать новую жертву. Я нахожу такой

способ существования несколько утомительным, так что предпочитаю следовать несложным правилам, о которых говорил тебе сотню раз.

У меня возникло ощущение, словно меня ударили обухом по голове. Мысли путались, не желая составляться в осмысленные понятия, и я даже для самого себя не мог сформулировать кошмарную идею: получается, виноват только я один! Даже Дона винить нельзя: в конце концов, я ведь действительно и не подумал применить его заветы к жизни! Конечно, предупреди он меня о последствиях... Но, как говорится, незнание законов...

— Но что мне теперь делать-то?! — хрипло осведомился я, кое-как совладав с голосом.

Дон удивленно вскинул брови:

— Ты что конкретно имеешь в виду?

— Как что?! — поразился я. — Я не могу позволить ей погибнуть, неужели не понятно?

— Боюсь, уже поздно, — безмятежно отозвался Дон и слегка улыбнулся. От его улыбки меня всего передернуло.

— Ах, так? — звенящим от сдерживаемой ярости голосом начал я. — Полагаешь, ты самый умный? И против тебя не найдется методов?

— Неужели найдутся? — ухмыльнулся Дон, разглядывая меня чуть ли не восторженно. — Давай-давай, приведи-ка пример!

И я сказал, словно ринувшись в бурлящий поток:

— А как на счет Алекса? Он тоже маг, и сильный!

Лицо Дона на миг напряглось, но уже в следующую секунду колдун улыбался:

— Полагаешь, Алекс знает что-то, неведомое мне?

Я раздраженно пожал плечами:

— Я полагаю совсем другое! Он, в отличие от тебя, белый маг. Может, ты просто НЕ ХОЧЕШЬ делить со мною секретом? А он поделится!

— А не боишься, что даже если каким-то чудом и вернешь жизнь Белле, утратишь собственную личность? Обратишься в одного из моих рабов? — черные глаза Дона, иногда вспыхивающие зеленоватым кошачьим блеском, обожгли меня ледяным пламенем своего взгляда — именно ледяным, в этом огне не осталось ни капли тепла...

Я сглотнул и напряженно ответил:

— Пускай... я готов рискнуть.

— Пожертвовать собой? — уточнил маг с хмурой усмешкой.

Я секунду молчал, прислушиваясь к учащенному биению собственного сердца. Я никогда не думал, что могу пожертвовать собой... я ведь эгоист до мозга костей! Но, наверное, любой человек способен стать убийцей и героем — каждого можно довести до одной из крайностей. Или не каждого? А только того, кто обладает пылающим сердцем и горячей душой? Что-то в таком духе говорил мне Дон при первой встрече... что-то про сильную личность и повышенную ответственность... Вот что имел он в виду! Горько сознавать, что уроки черной магии преподносятся так жестоко и страшно!..

— Я готов, — наконец произнес я со злостью. — Можешь совершить свой черный ритуал сию секунду. Давай же, вперед!

Маг внимательно смотрел на меня.

— Нет, ты сам совершишь его, пытаясь отыскать Алекса, — мягко возразил он, покачав головой. — Иди же. Ты выбор сделал.

И я послушно покинул столовую. Голова моя гудела от незадаанных вопросов и переполняющих разум мыслей, в ушах раздавался странный звон, и вообще я ощущал себя словно бы во сне. Но страха я не испытывал. Ну... почти не испытывал.

* * *

Я не помнил, как поднялся в спальню Беллы, не помнил, как покидал замок, неся на руках хрупкую драгоценную ношу — свою рыжеволосую колдунью... не помнил, как спустился со склона, на котором располагался этот треклятый особняк... Я очнулся только у изножья холма, у того самого валуна, где не так давно познакомился с Алексом.

Я опустился на холодный камень, осторожно придерживая Беллу. Девушка дремала в моих объятиях, но сейчас как будто пробудилась: веки сонно дрогнули, и миндалевидные зеленые глаза испытующе посмотрели на меня.

— Где мы? — голос был не громче шепота, и это вызвало новую бурю жалости и страха в моей душе.

Я попытался ответить со всей доступной беззаботностью:

— Я хочу отвести тебя к одному человеку, который наверняка сумеет помочь.

— Какому же? — невнятно пробормотала она. На впалых щеках — ни кровинки, и даже волосы потеряли часть своего мерцающего красноватого блеска...

— Я говорил о нем. Это Алекс.

— А-а... — уголки губ Беллы чуть приподнялись, что, наверное, было попыткой

улыбнуться. — Белый маг... а где ты его отыщешь?

Если бы я знал! Но я не выказал своих сомнений вслух.

— Полагаю, это будет нетрудно, — с нарочитой бодростью заметил я. — Я просто...

— Это действительно нетрудно, — раздался над нами чей-то уверенный голос.

Я вздрогнул и, чуть не выронив Беллу, вскинул голову. Рядом со мной стоял высокий белокурый мужчина в дорожном сером плаще. Глядя на меня сверху вниз, он слегка улыбался. Я около минуты молча смотрел на него, не в силах собраться с мыслями и поверить собственным глазам. Я сплю?! Сошел с ума?! Таких совпадений не бывает!

— Совпадения — это вообще редкость, — согласился Алекс с моими мыслями. — Идем, тут неподалеку мой экипаж. Нужно поспешить, твоя невеста совсем плоха...

Я решил не задавать никаких вопросов. Пока...

* * *

Белый маг помог мне устроиться с Беллой в черной закрытой карете. Внутри друг напротив друга располагались две обитые фиолетовым бархатом скамьи, и я сел на краешек одной из них. Беллу мы положили на сиденье, как на кровать, причем мои колени послужили подобием подушки. Придерживая вновь впавшую в беспамятство девушку за плечи, я с тревогой вглядывался в ее исхудалое бледное личико.

— Она не умрет? — дрогнувшим голосом спросил я.

Алекс чуть нахмурился:

— Постараемся спасти. Ладно, роль возницы исполняю я, так что до встречи!

И он покинул карету.

Я не впервые пользовался таким средством передвижения — постранствовав с Доном по мирам и реальностям, я успел опробовать и повозки, и верховую езду, и даже передвижение на верблюдах. Но сейчас, мерно покачиваясь в такт перестуку копыт, я почувствовал странное спокойствие. У меня возникло необъяснимое смутное ощущение, что все в моей жизни вскоре наладится. Может быть, причиной тому явилось присутствие столь сильного духом человека, как Алекс, но я против воли успокоился и поверил в возможность благоприятного исхода не только для Беллы, но и для себя самого. Вдруг Алекс действительно знает какие-то особенные грани магии, недоступные черным колдунам?

Единственное крохотное окошечко было занавешено густой фиолетовой шторкой, однако я не стремился выглянуть наружу. Мне было совершенно безразлично, куда мы едем, я не думал о возможной ловушке... Я смотрел только на Беллу и мысленно молил неведомых богов и все высшие силы спасти ее.

Когда карета внезапно затормозила, меня по инерции бросило вперед. От неожиданности я потерял равновесие и только чудом умудрился не позволить Белле соскользнуть на пыльный пол. От резкого толчка девушка пробудилась и слабо спросила, с трудом повернув голову:

— А теперь мы где?

— В карете пока... — туманно ответил я.

В этот миг дверца распахнулась, и в проеме появилось лицо белого мага.

— Прибыли, — с улыбкой возвестил Алекс, помог мне со всей бережностью вынести из кареты Беллу и добавил, заметив, как я оглядываюсь по сторонам: — Это мое родовое поместье!

Я с некоторым удивлением рассматривал солидный трехэтажный особняк, видневшийся за высокой решетчатой оградой и окруженный густым садом. Ничуть не хуже, если не лучше, дворца Дона! Вот так аскет...

— Что-то на аскета ты мало похож, — высказал я свои соображения вслух.

Алекс недоуменно обернулся:

— А с чего ты взял, что я аскет?

— Ну, а как же белая магия? — немного смущенно пояснил я и покраснел, как рак, услышав хохот Алекса. Отсмеявшись, противник Дона сообщил:

— Белые маги вовсе не обязаны быть аскетами. По желанию разве что.

— Кто же такое пожелает? — проворчал я, наблюдая за тем, как Алекс отдает какой-то короткий приказ мужчине в яркой одежде, напомнившей мне обмундирование мушкетеров в фильме по Дюма. «Мушкетер» тотчас бросился отворять тяжелые металлические ворота.

— Ошибаешься, некоторым нравятся крайности, — возразил маг. — Пошли, с экипажем разберутся без нас.

— У тебя и слуги есть! — недоверчиво обронил я и резко спросил: — А кто они? Такие же рабы, как у Дона?

Алекс, быстрым шагом направлявшийся по посыпанной гравием аллее к входу в особняк, на мгновение обернулся, и я поразился сердитой гримасе, исказившей это точеное лицо.

— Разумеется, нет! — отрубил Алекс, и его черные брови сошлись над переносицей, а глаза сощурились. — У каждого свои обязанности. Я барон, нашему роду пять столетий. Моя фамилия очень древняя. Эти люди служат мне и живут у меня. Я бы мог отпустить их, но

зачем? Куда они пойдут и чем займутся? Я неплох в роли сюзерена. Порою я даже сам выполняю некоторые обязанности простых смертных — как сегодня кучера, например.

Его губы тронула легкая улыбка, а я нахмурился и упрямо продолжал:

— Но все это не сходится с нормами белой магии!

— Да что ты знаешь о белой магии? — презрительно фыркнул Алекс, взбега по каменным ступеням, ведущим к дубовой входной двери.

Я не стал возражать по двум причинам: во-первых, в каком-то смысле он прав, а во-вторых, подниматься по лестнице с женщиной на руках и одновременно спорить довольно затруднительно. Хотя Беллу тяжелым грузом не назовешь, но все-таки...

Мы очутились в просторном холле, освещенном огромным количеством свечей. Оглядываясь по сторонам, я приходил во все большее замешательство. Ничто вокруг не соответствовало моим представлениям о белых магах: ни изысканная лестница из розоватого мрамора, устремившаяся на верхние этажи, ни золотые канделябры, ни писанные маслом портреты в дорогих рамах... Помимо удивления я испытал и досаду: во имя чего я продал свою душу? Дон-то меня уверял, будто белые маги сплошь аскеты! Или роскошествовать позволено лишь особам титулованным?

— Не только, — возразил Алекс. Наверное, он все-таки обладал телепатическими способностями. — Вопрос в том, что для тебя роскошь и чем ты готов заплатить за ее приобретение. Мне-то все досталось по наследству. Мне не пришлось продавать совесть за право жить в этом доме. Понятно?

— Более чем, — недовольно процедил я и окинул мрачным взглядом лестницу. У меня заныли руки, стоило подумать о прогулке на третий этаж.

И снова Алекс как будто прочел мои мысли:

— Нет, Беллу мы определим в уютную комнату на первом этаже.

Я подозрительно покосился на него:

— Признавайся, ты телепат?

— В данном случае — несколько, — хмыкнул Алекс, направляясь к дальней двери слева. — У тебя все на лице написано.

Я вспыхнул, но опять-таки промолчал. Ну что тут скажешь?

* * *

— Пошли, пообедаем, — предложил Алекс, когда я с его помощью уложил Беллу на кровати с шелковым постельным бельем нежно-опалового оттенка. Эта комнатка оказалась

очень маленькой, и все вокруг утопало в бежевом цвете, иногда разбавляемом золотым и белым.

— Как пообедаем?! — возмутился я, хотя сегодня еще не ел. — Сначала нужно помочь ей!

— С ней все будет хорошо, — пообещал Алекс и, заметив недоверчивое выражение на моем лице, мягко добавил: — О ней позаботятся слуги.

— Слуги! — пробормотал я. — Ненавижу это слово...

Алекс пожал плечами:

— Твое право, но не путай их с рабами Дона.

— Даже если так, что они могут? — раздраженно осведомился я, с болью вглядываясь в мертвенно-белое лицо своей подруги. — Дон, и тот оказался бессилён!

— В данном случае бессильны все, кроме виновника, — посуровев, пояснил Алекс.

Я закусил губу и обернулся к белому магу. Мне было страшно признаться, но, с другой стороны, он наверняка и сам уже догадался!

— Дон сказал, что это я — виновник... — протянул я хмуро. — Но если это я... я не знаю, как ее вылечить!

— Неведение не мешает исцелению, — загадочно ответил Алекс и тронул меня за плечо. — Идем, с ней все хорошо! Она просто спит. Сон ее продлится долго, но полностью восстановит силы.

У меня перехватило дыхание. Я очень хотел ему верить...

— Ладно, пошли, — неуверенно кивнул я и, бросив последний взгляд на Беллу, на этот раз — несколько виноватый, последовал за хозяином особняка.

* * *

Столовая Алекса до боли напомнила аналогичное помещение в особняке Дона. Я даже поморщился — ассоциации возникали чересчур болезненные.

— Что ж, садись и угощайся, — пригласил Алекс. Я неохотно устроился на одном из стульев и подозрительно взглянул на мага:

— А ты? Не будешь?

— Буду, — таинственно улыбнулся тот. — Но сначала... переоденусь.

— Чего? — не понял я, оглядывая дорожный костюм Алекса.

Белый маг, усмехнувшись, на секунду словно затаил дыхание и вдруг резко обернулся вокруг своей оси. Я ошалело следил за ним. Может быть, он ненормальный? Но задать какой бы то ни было вопрос я просто не успел: завершив свое «танцевально па», Алекс замер и устремил на меня взгляд своих черных глаз... Черных?!

Я ахнул и вскочил на ноги, сердце неистово забилося. Бледная кожа, широкоскулое лицо, раскосые черно-зеленые глаза, волосы цвета воронова крыла, шелковая сутана...

— Дон?! — выкрикнул я, цепенея от ужаса и пытаюсь нащупать кинжал. Черт, неужели я в спешке позабыл его в своей комнате?!

Человек, которого я считал Алексом и который за пару мгновений сменил обличье, став своим антиподом, сохранил невозмутимое хладнокровие. Казалось, ничто на свете не в силах выбить его из колеи, никто не в состоянии пробить брешь в прочной броне самообладания.

— Это одно из моих имен, — усаживаясь на один из стульев, заговорил он. — Алекс — это тоже мое имя.

— Но... но... — я задохнулся от переполнявших меня чувств. Голова буквально шла кругом, мне хотелось задать тысячу вопросов одновременно. — Но ведь Алекс совсем другой!

— Ты имеешь в виду внешность? — беззаботно уточнил Дон, накладывая себе картофельного пюре. — Ты садись, садись.

Я покорно опустил на стул, все еще плохо соображая. Как такое может быть?!

— Но ведь Дон — черный маг, а Алекс — белый! — в конце концов, беспомощно произнес я.

— Ошибаешься, — спокойно возразил мой странный сотрапезник. — Есть я, маг, но цветом никаким не обладаю. Разделение на черное и белое принадлежит третьему измерению, а я давно живу в четвертом. Кажется, в одной из лекций я об этом упоминал. Ты мог давно догадаться.

— Я понял тебя совсем иначе... — шепнул я, уставившись в скатерть и стараясь припомнить ту давнишнюю лекцию. — Я думал, ты просто ищешь оправдание своему образу жизни: мол, развитые люди понимают, насколько условно разделение на добро и зло, и можно с чистой совестью совершать, что душе угодно!

— Действительно можно, — кивнул Дон (или как его теперь называть?!). — Почему бы и нет? Дело в цене. Все имеет свою цену, и если ты готов платить — плати! Как я говорил тебе совсем недавно, это поместье, как и особняк на склоне холма, мне досталось по наследству. Чтобы получить их, мне стоило лишь родиться в этой семье. Цена умеренная.

— Простое везение, — пробормотал я чуть слышно.

Дон вскинул брови:

— Везение? Везения не существует. Все, чем мы обладаем, мы когда-то выбрали.

— И кто-то выбрал нищету? — скептически осведомился я.

— Да. Потому что за пределами этой жизни мы совсем другие. И эта жизнь — как спектакль для актера. Скажи, разве актер откажется сыграть роль нищего, если пьеса ему по нраву?

Я не нашелся, чем возразить. Дон выждал мгновение, победоносно улыбнулся и продолжал все с тем же снисходительным безразличием:

— Нужно помнить, что это — только игра. Более того — роли можно менять по ходу пьесы. Если тебе надоело играть нищего — опробуй принца.

— И меня возведут на трон? — я с трудом удерживался от смеха, опасаясь, что он напомнит истерический хохот. Сейчас я был близок к нервному срыву.

— А почему бы и нет? — резонно заметил маг, проворно орудуя вилок и ножом. Я, как загипнотизированный, следил за его ловкими движениями. — В жизни бывает всякое. Хотя мой пример довольно условен. Людям обычно нужно гораздо меньше, чем титул. Но мы говорили о цене. Так вот, иногда ценой чересчур роскошной жизни становится душа.

— Так ты продал свою душу? — я не мог совладать с собой, мне хотелось уязвить его, я жаждал убедиться, что Дон — такой же человек, как и я, способный разозлиться, вспылить, закричать...

— Нет, я душу не продавал. Я ведь тебе уже объяснил — вся эта роскошь мне все досталась по наследству. Кто-то получает столь дорогой сердцу приз в результате упорной работы, кто-то учится новомодной в твоём мире методике из серии «как притягивать деньги»...

— И это работает? — грустно поинтересовался я, до сих пор не притронувшись ни к одному из блюд. Удивление лишило меня аппетита.

— Да, — серьезно кивнул Дон. — Но должен заметить: усилий придется приложить не меньше, чем при упорной работе. Только усилия окажутся из области психологии. Но есть третий путь — продать душу.

— Например, убить тетушку из-за наследства? — со смешком уточнил я.

— Да, только не смотри на меня с таким ехидством. Я никого ради наследства не убивал.

— А что значит — продать душу? — болезненно поморщившись, осведомился я.

— Это значит, лишиться ее, — просто пояснил Дон. — То, что религии именуют духом, разорвет нить, связывающую его с телом. И со стороны не поймешь, что человек уже умер: эмоциональное облако создаст иллюзию наличия жизни. После смерти эмоциональное облако постепенно рассеется... Получится, что этот человек вовсе не жил.

Я поежился и спросил, пытаюсь совладать с голосом:

— А эти рабы, которые прислуживали тебе за столом...

— И есть такие вот живые трупы, — вздохнул Дон. — Они действительно мои ученики. Но, в отличие от тебя, ученики неважные.

Внезапно я разозлился:

— Естественно! Ты ведь их провоцировал, как и меня!

— Только с вашего согласия, — возразил он. — Согласия, данного ЗА гранью этой жизни. Метод рискованный, но зато позволяет перешагнуть сразу через несколько ступеней.

— Но ты позволил графу Макмандру отравиться! — крикнул я. — И позволил бы выпить отравленное вино мне... и Белле.

— А почему ты не плеснул содержимым своей чаши мне в лицо? — осведомился Дон. — Тебе так этого хотелось! Я был бы доволен.

Ах, он был бы доволен?! Я побледнел от злости и хрипло выговорил:

— А все эти представления?! Битва гладиаторов? Казни?!

— Зачем же ты смотрел, если тебе не нравилось? Последние несколько недель вы с Беллой отказывались посещать подобные мероприятия, и разве я воспротивился этому? Нет, — пожал плечами Дон, приступая к десерту. Я до сих пор не проглотил ни крошки. — Кстати, заметь, я ни разу тебя не сопровождал. Меня такие зрелища не увлекают.

— Ну и ну! — я тяжело дышал и никак не мог придумать достойную реплику. Гнев буквально душил меня. — Неужели я был таким болваном, что захотел подвернуть себя самого столь жуткому испытанию?!

— В каком-то смысле у тебя не было выхода, — задумчиво протянул Дон, глядя в пространство мимо меня. — Ты слишком сильная и противоречивая личность. Не возникли в твоей жизни я... мало ли, куда завела бы тебя твоя потребность приключений!

— Ну и куда она могла меня завести? — раздраженно буркнул я, схватил вилку и ткнул ею в первое попавшее блюдо. Угодив в вареную картофелину, принялся с остервенением жевать ее, абсолютно не ощущая вкуса.

— В последней твоей жизни такая потребность привела тебя на гильотину.

Я поперхнулся картофелем. Закашлявшись, закрыл рот ладонью и с недоверием уставился на безмятежно улыбающегося Дона.

— Какую гильотину? — сиплым голосом спросил я.

— Ту, где голову отделяют от тела, — любезно объяснил колдун. — Еще одна жизнь завершилась не менее плачевно: тебя чуть было не сожгли на костре как еретика. Ты спасся, но пережитое свело тебя с ума.

Я не знал, смеяться или лучше кричать. Его рассказ казался бредом, нелепой выдумкой, но что-то подсказывало мне: это правда. Кажется, я почти мог ВСПОМНИТЬ...

— Но откуда ты-то знаешь? — сердито спросил я наконец.

— Ты сам мне рассказал, — равнодушно отозвался маг, с явным наслаждением впиваясь белыми зубами в кусок черничного пирога. Я с отвращением скривился и отбросил вилку.

— Когда я тебе это рассказал? И где?

— Когда и где — понятия, не вполне подходящие для той формы существования, — рассеянно откликнулся Дон.

Я фыркнул:

— А почему было мне не поступить куда проще? Почему я просто не наделил своего бедного земного двойника или кто я для него, памятью? Почему не позволил просто помнить обо всем?

Дон воззрился на меня с искренним недоумением:

— Во-первых, мозг человека еще не готов воспринять такого рода информацию. Нужны годы, то есть века, эволюции. А во-вторых...

— Во-вторых? — поторопил я.

Дон нахмурился:

— Не берусь судить, зачем мы живем, в чем смысл жизни, для чего нам необходима эта череда жизней... Можно строить миллионы теорий, и вряд ли хоть одна из них приблизится вплотную к истине. Однако предполагать я все-таки имею право — с учетом своего опыта.

— Ну, предположи что-нибудь, — ехидно разрешил я, откинулся на спинку стула и, скрестив руки на груди, попытался принять беспечный вид. — В любом случае у меня самого никаких предположений нет.

— Быть может, То Изначальное Нечто, именуемое Богом, Творцом, Абсолютом... быть может, Оно (любое местоимение здесь неуместно) стремится познать самое себя? Или выйти на новый уровень развития таким вот манером? С помощью... ммм... как бы выразить точнее мою мысль?

— С помощью своих агентов? — хмуро пошутил я.

Дон рассмеялся:

— Между прочим, в каком-то смысле ты угадал. Именно поэтому я и говорю: разделение на черное и белое условно.

— А как же быть с войнами, жестокостью, насилием? — прервал его я. — Это все — разве норма?

— А как быть с маленьким ребенком, который не понимает, что нельзя обрисовывать новые обои фломастером? — подхватил маг. — Бесплезно втолковывать малышу, почему не стоит портить обои. Проще просто сказать — нельзя! Запрет. Табу. Зло. Только став старше, маленький человечек осознает вполне логичную причину запрета.

— Ты сравнил — войну и испорченные обои! — продолжал спорить я, хотя теперь уже скорее из упрямства. Интуитивно я понял, что именно он пытался сказать.

— Это всего лишь аналогия, — холодно вато сказал колдун, явно начиная терять терпение. — Когда-нибудь ты поймешь, Стас. Если сейчас не понимаешь — поймешь потом. Но, поверь, у тебя не было выхода, кроме как предпринять такую авантюру. Ты отчаялся пробудить в себе самую настоящую память, и решил опробовать такую вот встряску. В крайнем случае, ты потерял бы одну жизнь — и только.

— И только! — возмущенно воскликнул я. — Эта жизнь — все, что у меня есть. С тем типом, который якобы говорил с тобой неведомо где и когда и который вроде бы тоже является мною, я не знаком!

— Неплохо подмечено, — улыбнулся Дон. — Ты прав: ты не знаком с ним, но цель жизни в том и состоит, чтобы познакомиться! Ты сделал немалый шаг на пути к этому.

Я бросил недовольный взгляд на своего собеседника. Мне показалось, что выражение его лица чересчур самодовольное, и я решил подбавить хоть капельку дегтя в эту бочку с медом:

— Ты, между прочим, говорил, будто я стану рабом, если приму помощь Алекса!

Дон ответил мне невозмутимым взглядом. Совесть его осталась глуха к моим упрекам.

— Глупо верить человеку, которого считаешь черным магом! — назидательно проговорил колдун.

Я насупился:

— Ну а в образе Алекса почему ты не сказал мне: все будет в порядке? Почему не успокоил?

— И в чем бы тогда состоял урок? — искренне удивился Дон. — Ты обязан был рискнуть или сам догадаться обо всем.

Ну, что же это такое! На любой мой аргумент у него находится возражение! Но я не пока не окончательно сдался:

— А тебе твой образ жизни прощается?

— Мой образ жизни? — вскинул брови Дон. — А ты заметил, чтобы я занимался чем-то предосудительным? Может, пытал людей? Наоборот, кажется, я спас Беллу от пыток. Если помнишь...

Упоминание о Белле всколыхнуло в моей душе новую волну гнева.

— А с Беллой ты что сотворил?!

— ТЫ сотворил, — сурово поправил Дон. — Ты не представляешь себе, Стас, сколько вокруг энергетических вампиров. А доноров еще больше! Но она жива. Ты вовремя остановился. Теперь она будет подпитываться твоей силой. Это возможно по той лишь причине, что ты ее на самом деле любишь.

— А если бы не любил? — севшим голом спросил я, вперив в мага сердитый взгляд. — Она бы погибла?

— Да, — кивнул тот. — Но заметь: вряд ли столь самолюбивая женщина, как Белла, отдала все свои внутренние резервы человеку, который не любил бы ее на самом деле.

Я не нашелся, что сказать. Действительно, он прав... внезапно я встрепенулся:

— Но она, правда, жива? С ней все будет хорошо?

— Да, — устало повторил Дон. — Она проспит до вечера и проснется здоровой.

Я закусил губу и мгновение молча смотрел на скатерть.

— А... а потом? Куда нам идти?

— Вы мои ученики. Так что, куда вам идти, решать не вам, а мне, — добродушно усмехнулся Дон.

Я поднял взгляд, маг улыбался почти весело.

— Но... но чему ты теперь будешь нас учить? — от волнения я начал заикаться.

— О, магия обширна и многогранна! — беззаботно отозвался Дон.

— А без казней и пыток обойтись можно? — с тревогой уточнил я. Дон расхохотался:

— Разумеется! Кстати, урок первый второго этапа: впредь пытайся обдумывать каждую эмоцию. Стоит ли дарить с трудом накопленные силы кому ни попадя?

— Обещаю! — задорно заявил я и с внезапным воодушевлением принялся накладывать себе на тарелку жареный картофель.

Все-таки жизнь прекрасна!

ЭПИЛОГ

Когда Белла очнулась, я сидел рядом с ее кроватью на трехногом табурете и держал ладонь девушки в своей.

— Где мы? — в третий раз за этот день спросила Белла. И хотя голос ее был сонным и тихим, в нем явно пробуждалась прежняя сила.

— Потом расскажу, — с улыбкой пообещал я. — Сейчас у меня есть более важная информация.

— Правда? — она тоже улыбнулась. — Какая же?

— Я люблю тебя, — прошептал я, склонившись к самому ее лицу. — Ты слышишь? Люблю... и даже доказал это на деле.

Я не знал, что ждет нас впереди, но сейчас, как ни странно, меня это мало волновало. В конце концов, Дон-Алекс прав. Иногда стоит отбросить переживания о будущем и подумать о настоящем. А настоящее — это Белла.

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

**«Strelbytskyy
Multimedia Publishing»**

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

**«Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»**

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

**Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»**

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www.audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

**Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2016
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»**